

Małgorzata Jacyno

Kultura indywidualizmu

WYDAWNICTWO NAUKOWE PWN
WARSZAWA 2007

Малгожата Яцино

КУЛЬТУРА ИНДИВИДУАЛИЗМА

Гуманитарный Центр
Харьков, 2012

Научная редакция
кандидата философских наук
Радеева Артема Евгеньевича

Перевод с польского
кандидата медицинских наук
Комаристова Александра Васильевича

Малгожата Яцино. Культура индивидуализма. – Х.: Гуманитарный Центр, 2012. – 280 с.

Книга Малгожаты Яцино «Культура индивидуализма» – это философско-социологическое исследование феномена индивидуализма, вдохновленное идеями столпа постструктурализма в социологии П.Бурдьё. В этом залог интереса к книге М.Яцино.

Автор рассматривает такие темы, как культуризация социальных различий, стиль жизни как способ самовыражения и стратегия избегания неприятностей, способы повышения качества жизни, искусство жить, культ истинной и здоровой личности, методики создания себя и т.д. Автор отвечает на такие вопросы: кто или что управляет нашей жизнью, формирует наше восприятие окружающей действительности? Власть, культура или что-то непознанное? А может мы сами, «по своей воле», занимаем место на игровом поле, а управляют нами другие люди, преследуя свои, неизвестные нам цели. Книга М. Яцино — это путеводитель по современному миру.

Книга, прежде всего, будет интересна для философов, культурологов, социологов, психологов и искусствоведов, а также всем тем, кому не безразличны тенденции в развитии общества, и кто хочет принимать активное участие в их формировании и стремится освоить искусство жить.

Malgorzata Jacyno's book "Culture of individualism" is a philosophical-sociological research of the phenomenon of individualism inspired by the ideas of the pillar of structuralism in sociology P.Bourdieu. This determines the interest towards this book.

The author considers the following issues: culturalization of social differences, life style as a way of self-expression and strategy of avoiding failures, ways of improving the quality of life, the art of living, the cult of true and healthy personality, techniques of self-creation. The author answers the following questions: who or what manages our lives, forms our perception of the external reality? Is it power, culture of something unknown? Or may be, it is us, by our own decision, take the place on the playing field, and we are managed by other people who are seeking to fulfill their own, unknown to us goals. M. Jacyno's book is a guide in a modern world.

The book will be first of all interesting for philosophers, culturologists, psychologists and art historians as well as for all those who care about the trends in the development of society and those who want to take active part in their formation and seek to master the art of life.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству «Гуманитарный Центр».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие научного редактора.....	6
Предисловие	12
1. В поисках собственного вкуса.	
Культуризация социальных различий	24
1.1. Свобода в кредит	35
1.2. Стиль жизни как способ самовыражения и избегания неудач. Коммерциализация бунта	62
1.3. Культурный нарциссизм, рационализация ответственности и рационализация желания	82
1.4. Уничтожение вкуса. Рационализация жизнеутверждения и вынужденный самоконтроль	97
2. Догони жизнь. О повышении качества жизни и искусстве жить	112
2.1. Власть над жизнью: жизнь как «политический объект» ..	121
2.2. Коммерциализация здоровья.....	144
2.3. Культ истинной личности и культ здоровой личности.....	164
3. Профессионализация субъектности	191
3.1. Выбор себя. От методики спасения к методике самореализации	199
3.2. Методики создания себя.....	225
3.3. Успех и неудача.....	248
Список литературы	273

«лечебно-оздоровительной» культуры (здоровье, открытость для диалога, оптимизм, самодостаточность, самореализация), произошло и разрушение самосознания рабочего класса¹. «Наступление» культуры на социальную структуру завершилось победой культуры. В первую очередь, культура, а не социальная структура, подсказала направления и способы проблематизации опыта индивидов.

Однако следует заметить, что культуризация наиболее ярко проявляется в поздней современности. Культуризация является понятием четко определяемым, поскольку в опыте индивидов именно культурные различия, основанные на «вкусе» и личном выборе, имеют значение. Стиль жизни – это не только культурные или личные предпочтения. Стиль жизни не является также и ярким проявлением классовых различий или отображением взаимоотношений классов. Различные стили жизни не являются способом, с помощью которого эти различия выявляются и распознаются. Различные стили жизни – это сутьность деления на классы². Классовые или экономические различия не определяют стиль жизни, однако в различных стилях жизни проявляется и воспроизводится социальная иерархия. Связанное с процессом индивидуализации изменение состоит в том, что классовое различие также должно осмысливаться и может быть предметом игры. Культура становится основной сферой проявления творческих способностей индивидов и формирует жизнь общества. Иными словами, процесс культуризации привел к тому, что культура теперь не отстранена от «представления» жизни общества, а с помощью средств массовой информации, туризма, рекламы, обучения и оздоровления направляет социальные процессы³.

Процесс культуризации не исключает «традиционные», то есть структурные формы взаимодействия, но обуславливает единообразие культуры и социальной структуры⁴. Кроме того, культуризация настолько очевидна, что именно такое ее определение и скрытые в ней убеждения произошли за счет лучшего восприятия реальности, представленной «образами», что

характерно для нового среднего класса и его «берклианского» восприятия мира, как говорил Бурдьё. Поэтому явный характер культуризации проявился в обоснованной таким определением вере в особую силу «образов», необходимых как для процесса самосознания индивида, так и для процесса создания социального общества с присущими ему разделениями.

1.1. Свобода в кредит

Годы, предшествующие бунту 1968 года, переполняла атмосфера двойственного отношения к «чуду цивилизации». Изобилие благ и новые технологии создавали возможности для новой жизни. «Традиционное счастье» установило границы новой жизни. Семья, дом, стабильная работа и вечера, проводимые на диване перед телевизором, рутина и бездумное следование общему мнению складывались в понятие традиционного счастья. Традиционное счастье – это жизнь, в соответствии с принципами, в которые не веришь, и ощущение безопасности, вытекающее из привычного подчинения нормам. Следовательно, такая жизнь соответствует возможностям, которые предлагает система. Стремления и мечты индивида выкроены по меркам системы. В конце концов, традиционно счастливые люди могут быть опасны для демократии. Кроме того, следование традициям влечет за собой угрозу пассивности, неадекватности и утраты положения субъекта морали, свобода которого реализуется в возможности выбора.

Такая обеспокоенность не является новой по своей сути. Романтический культ аутентичности¹, свободный от этикета, «не деловой», и лишенный практического смысла стиль жизни богемы двадцатых и тридцатых годов, критика «безумной» жизни в городе, идеализация сельской жизни и «возврат к природе», а также периодически оживающая в пуританстве идея необходимости возрождения духовной жизни и проявления братской любви путем приобщения себя к безвозмездному труду – это предшествующие контркультуре проявления беспокойства по поводу оценки «чуда цивилизации». Романтическая и натуралистическая критика «чуда цивилизации»

¹Back 2002, с. 123 – 137; Lash, Urry 1987, с. 288 – 311; Lash 1990, с. 25 – 30

²Giddens 2005, с. 114

³Featherstone 1987; Rose 1996; Zaretsky 1997

⁴Kempny 2001

¹Аутентичный – от *authenticus* (лат.) – подлинный, достоверный, соответствующий самому себе. (прим. перев.)

в неестественности, духовной пустоте и разрушении связей определяет цену, которую необходимо заплатить за «чудо цивилизации». Контркультура с присущей ей тщательностью и дотошностью раскрыла и выделила репрессивную сущность традиционного счастья, предложенного цивилизацией. Жалкая суть счастья, испытываемого людьми, прикованными к дивану, подтверждает вездесущность системы: люди хотят только того, что может им предложить система. Поэтому репрессивная сущность традиционного счастья основана на том, что желания навязываются и рационализируются.

Фундаментальный характер такого открытия не только не уменьшает, но даже увеличивает сомнения в возможности проведения революции. Ведь вездесущность системы исключает возможность противодействия ей. Как можно раскрыть плачевную сущность традиционного счастья, если оно проявляется, кроме прочего, и как личное счастье? Как и где открыть в себе не подвергшуюся насилию часть, которая гарантировала бы подлинность протеста? Как можно противодействовать культуре, которая тебя создала? Являются ли обратимыми изменения, произошедшие из-за «внутреннего призыва» (в частности, в проблеме восстановления связей)? И каким образом противопоставить одной культуре другую – контркультуру?¹

Вездесущность системы требует особой стратегии раскрытия и устранения репрессий. Акции протеста, охватившие Западную Европу и Соединенные Штаты в 1965 – 1972 годах, положили начало так называемой «Новой политике»². Новизна этой политики вытекала из уверенности в политическом характере индивидуальности. Поэтому эффективный протест требовал привлечения всего человека и всего его образа жизни, ибо насилие, под которое попадают традиционно счастливые люди – это невидимое принуждение, укоренившееся в повседневной жизни. Ведь люди «сами» делают все для достижения традиционного счастья. Принуждение проявляется в ощущении естественной очередности событий и очередности достижения целей, предложенных системой. Оно проявляется не в очевидных актах насилия, а в рутине и традиционном стиле жизни.

¹ Scaff 1989, с. 191

² Inglehart 1977

Следовательно, такой вид насилия требует особой стратегии протеста – «Новой политики». Стремление к традиционному счастью подчиняет всего человека и всю его жизнь, и поэтому протест не может нести характер одноразового акта бунта. Протесту должен быть подчинен весь образ жизни. Эффективный протест должен быть повседневным. Особой ценностью «Новой политики» является причастность. Новая политика, подвергая сомнению существование границы между публичным и частным, дала новое определение той особенной форме субъективности, которой является гражданство. Поэтому гражданство приобретает характер культурных, а не политических прав. Политическое гражданство, в отличие от культурного, это ослабленная форма субъективности, которая реализуется один раз в несколько лет – в избирательном процессе.

Наиболее показательным проявлением такого протеста в реальной жизни было движение хиппи, свободной от условностей стиль жизни которых представлял собой желанную свободу в любом смысле этого слова¹. Хиппи демонстративно не делали ничего(!) того, что могло бы указать на их стремление к достижению традиционного счастья. В то же время, избранными ими стиль жизни шаг за шагом раскрывал пассивность традиционно счастливых людей. Во-первых, для хиппи очень важны были длинные волосы, ставшие настоящим вызовом для утилитарного и чистоплотного общества. По мнению Виллиса, нефункциональные, ненужные и существенно понижающие шансы на рынке труда длинные, хотя и естественно растущие волосы, стали эквивалентом натуральной черной кожи. К выводу Виллиса можно еще добавить, что длинные волосы всегда были «функциональными» для женщин. Отождествление себя с этим «меньшинством» является выражением идентификации с такой категорией, «природа» которой, как говорится, не предполагает яростного соперничества и развязывания войн. Во-вторых, широкие, покрытые орнаментом яркие цветные наряды и звенящая при малейшем движении бижутерия делала хиппи похожими на другие категории маломощных – этническое меньшинство. В-третьих, на их нетрадиционное счастье накладывалось «общее восприятие», правда только тогда, ког-

¹ Willis 1978, с. 81 – 169

да речь шла о музыке, ибо еду употребляли иначе, чем в «порядочной семье» – кушали по-отдельности, «просто тогда, когда чувствовали голод».

Протест, которому посвящена вся личность и вся жизнь, как это сделали хиппи, делает традиционное счастье не естественным. «Неестественность» коротких волос, костюмов, седых иголок ужинов и идентификация с обедленными социальными категориями в конечном итоге создает такой стиль жизни, при котором на показ выставляется не только отличие, но и выбирается пространство второго плана или, что больше соответствует идее движения хиппи – жизнь вне системы. Стиль жизни хиппи как бы «говорит» о том, что жизнь вне системы существует. Длинные волосы, цветные наряды, беспорядочная жизнь теперь не являются противозаконными и, понятное дело, не могут быть оштрафованы или осуждены. Кроме того, как подчеркивали сами хиппи, они не делали ничего для того, что бы иметь длинные волосы. Ибо волосы растут сами. Маленькое и крайне незаметное изменение может разрушить традиционное счастье. Закон не интересуется длина волос, однако, очевидно, что «шечто» их длину регулирует. Значит, можно сказать, что шок, который испытало традиционное общество из-за длинных волос и безмятежного способа жизни, должен был показать, как много уступок по существу требуется от индивида, который хочет быть традиционно счастливым. Приспособленчество, унификация, отказ от многих желаний – это цена, которую приходится платить за успех, гарантированный системой. Именно поэтому испытываемое здесь счастье, в итоге, оказывается плачевным и бессмысленным. Новая политика основана на применении стратегии протеста против открытой природы новой власти: власти, которая давно освободила трон и свила себе гнездо в повседневности, в малых, как писал Фуко – «мизерных фигурах».

Созданный вне системы мир – это мир сообщества, самовыражения, самоидентификации и жизни без обязательств. В частности, коммуны хиппи явились свидетельством того, что людям немного нужно для жизни. Однако то, что случилось после политического поражения контркультуры, представляет

собой наиболее загадочный поворот в европейской культуре¹. Новая политика сместилась в сферу потребления. Постматериализм должен был стать наибольшим достижением революции 1968 года и заявил о себе, прежде всего, как идея, ориентирующая и направляющая новый стиль жизни. Постматериалистическая ориентация стала для большинства людей дополнением к традиционному счастью и идее, стилизующей потребление². После бунтов массовое потребление сменилось потреблением, при котором поиск самоутверждения и ощущения независимости заключался в выборе стиля. Можно сказать, что в семидесятые годы протест просто переместился в сферу потребления.

Ответы на вопрос об этом парадоксальном повороте в культуре можно отыскать также в отношении к пуританскому сознанию, особенно если основываться на утверждении о механической зависимости между массовым потреблением и делающим его возможным массовым производством. Пуритан преследовали два кошмара. В первом, детском кошмаре, пуританин видел, как он просыпается рано, но позже, чем обычно. Заметим, что он должен был ложиться в кровать одетым. В холодном помещении, которое, скорее всего, служило и спальней, и кухней, находится несколько детей. Все они плохо одеты и голодные. Пуританин срывается с кровати, чтобы побежать на работу, однако, сразу вспоминает о том, что уже давно и безуспешно ее ищет. Во втором кошмаре пуританин снится, что он сидит по-турецки, греетчт на гитаре и поет. У него длинные волосы и он закутан в разноцветные одежды. На газетах разложен хлеб с джемом. Возле него бегают кучка босых, чумазых детей и он не уверен в том, что все они его. Образ из первого кошмара – это обитатель трущоб. Во втором кошмаре явно проявляется хиппи. Нищий из трущоб и хиппи – это карикатурные представления антиподов пуританина. Их бедность, это нищета, которая даже не несет следов выбора, из-за чего отсутствует изысканность, которой обладал наблюдаемый им аскетизм. Два этих кошмара, которые могли посетить пуританина, объединяет нечистоплотная и хаотичная жизнь в нищете. Содержание этих ночных кошмаров показы-

¹ Heelas 1991

² Ziolkowski 2000

вает, что пуритане больше боялись жизни в нищете, чем зарабатывания денег. Ужас в них пробуждала ситуация осуждения за нищенскую жизнь, тем более, что она действительно являлась противоположностью ограничениям в роскоши.

Собственно, поэтому, инициированная новым средним классом экономика, экономика расточительства, могла быть, по существу, близка пуританам. Во всяком случае, более близка, чем экономика обязательных ограничений. Воздержание, последовательность, отсутствие демонстративности в потреблении у старого среднего класса замещается распушенностью и даже транжирством, и жизнью: «так, как если бы». И не отсутствие чего-либо становилось проблемой, а избытие и чрезмерность. Новая экономическая логика появляется во времена массового производства и потребления, сделавших возможным распространение свободного стиля жизни нового среднего класса. Сущностью такого освобождения не являлась только лишь экономическая предопределенность, это было также и освобождением от правил хорошего тона и обязательной морали старой буржуазии¹. За то, что такой стиль жизни сделался образцом и эталоном для современной культуры индивидуализма, новый средний класс должен, прежде всего, благодарить себя. Средства массовой информации, мода, оздоровление, реклама, туризм, обучение и различные формы индивидуальных консультаций — это созданные новым средним классом профессии, призвание к которым он ощущает². Эти профессии обеспечили ему привилегированное положение в сфере возможного символического воздействия, в частности, путем «производства», опосредованного опыта (то есть не личного опыта, а черпаемого из медиа-пространства)³ и, тем самым — преимущество в сфере создания и преобразования «образов» современного общества, его возможностей и потребностей.

Символическое, и не только символическое, распространение стиля жизни нового среднего класса показывает, что заявленные здесь различные варианты стремления к росту благосостояния и идеология «наслаждения жизнью» могут иметь такой же дисциплинирующий и насильственный характер, как и аске-

тизм ранее. Этике ограничений и пессимизма, присущей старой буржуазии, новый средний класс противопоставил новые обязанности: быть счастливым, полным жизни и активным, улыбающимся, оптимистичным, здоровым, молодым и красивым, пользоваться благами, удовольствиями и свободами в обществе, свободном от ошибочной экономической предопределенности¹. Демонстрация дистанцирования от экономической предопределенности это, как пишет Бурдьё², всегда первое и известное проявление вновь избранной экономической власти. Появление банков совпало по времени с идеей расчета вести — вспоминает Жак ле Гофф. Можно сказать, что и популярность кредитов тоже совпадает с появлением свободного стиля жизни.

По мнению некоторых авторов, свободный стиль жизни нового среднего класса привел к упадку пуританской морали³. За исключением очевидных различий в содержании, общим для аскетизма и нового стиля жизни является пример, описывающий отношение индивида к себе. Аналогично тому, как в внутриобщественном аскетизме воздержанность, бережливость и отсутствие театральности были свидетельством самоконтроля личности, так и в морали нового среднего класса можно говорить о новых обязанностях — пользовании доступными благами, удовольствиями и свободами. Новые обязанности не только не освобождают от необходимости самоконтроля, но даже способствуют его развитию. Как отмечает Тернер⁴, по существу мы имеем дело с организованным и расчетливым стремлением к наслаждению, а не с оплаченным потреблением товаров и услуг. Различие между пуританской моралью и моралью нового среднего класса проявляется не в перечне того, что должно быть предметом контроля индивида, а в том, какой контроль необходим. Между прочим, наслаждение достатком свидетельствует об отсутствии стиля и, можно сказать, отсутствии класса. Идеалом в таком случае является свободный и независимый потребитель. Полнота, нетренированное тело, дурные привычки, плохое настроение осуждаются в современной культуре индивидуализма. Они не только уменьшают ком-

¹ Bourdieu 1979, с. 353 — 361; 423 — 431; Lash, Urry 1987, с. 294 — 296

² Bourdieu 2005, с. 423 — 439; Lash, Urry 1987, с. 295

³ Giddens 2005, с. 33 — 39

¹ Bourdieu 2005, с. 447

² Bourdieu 2005, с. 70 — 73

³ Sennett 1977; Lash 1979; Bell 1998

⁴ Turner 1984, с. 112, 202 — 203

птенцию в сфере потребления и жизненные шансы индивида, но и свидетельствуют об отсутствии самоконтроля. В культуре индивидуализма запущенное тело и отсутствие жажды к жизни являются не только иррациональными, но и требуют медицинского или терапевтического вмешательства.

Распространение стиля жизни нового среднего класса повлекло за собой массовое производство, так как создало основу для ощущения свободы от экономической предопределенности или, по меньшей мере – ощущения относительной независимости от этого вида предопределенности. В концепциях «массового потребления» и «массового общества» (как в оптимистическом, так и в пессимистическом вариантах) предвиделось, и, даже, констатировалось постепенное размытие классовых барьеров и смешение ранее отличавшихся стилей жизни, которое сопутствовало появлению нового среднего класса¹. Хиппи, и, практически, все поколение контркультуры не многое знали о том, чем должен быть в жизни человека труд и какой труд может давать ощущение достоинства и смысла². Проблема достойной работы не была решена, а вопрос о ее смысле перестал быть достаточно важным, так как был нейтрализован и персонализирован путем переноса в сферу потребления, где может практиковаться яркое самовыражение и свобода (выгорание на работе и трудовоголизма – это два основных контекста, в которых труд упоминается в пособиях по самолечению). Как следствие, стремление к успеху переместилось из системы производства в систему потребления (со всеми своими удачными и неудачными результатами)³. Для «городского класса» продвижение по службе и другие возможные формы социальных трансгрессий должны были осуществляться путем потребления, а точнее – путем поиска собственного стиля в сфере потребления или путем постижения «искусства потребления».

Распространение стиля жизни нового среднего класса не опирается на популяризацию привычек и стиля жизни, присущих ему. Следствием символической борьбы, предпринятой новым средним классом, является легализация индивидуализма, потребительского отношения и механического подхода к

делу¹ (в основном, благодаря, освоенным ими «специальностям» в сфере производства «образов»), а также легализация определенного типа самоисследования, а именно – исследования себя путем стремления к самореализации. Проявлениями характерного для нового среднего класса берклианского, как подсказывает Бурдьё², восприятия мира, являются присущая ему театральность, демонстративность, внешний вид и созданные этим классом профессии. Новый средний класс скорее стремился к созданию новых профессий, адаптированных к его стремлениям, нежели просто к использованию предложения рынка труда или адаптации к нему своих запросов.

Новый средний класс выкристаллизовался в момент, когда рынок предлагал всем «традиционное счастье». По мнению Бурдьё, новые профессии реализовывались в услугах «символических» (в любом смысле этого слова). Предлагаемые этим классом услуги не дешевы, но, как правило, оплачивая их, вы ничего в итоге не получаете. К «традиционным благам», которыми изобилует рынок, новый средний класс добавил «символические блага». Их сущность или попросту потребительская ценность состоит в возможности чудесного превращения обыденной жизни, на которую обрекали традиционные блага, в собственный стиль или даже в свободную жизнь. Профессии нового среднего класса охватывают все особенности планирования, стилизации, создания и окончательного выбора индивидами своего места в обществе, в котором традиционное счастье доступно всем. Информация, терапия и консультации в сфере профессиональных и личных проблем, интимных отношений, разрыва связей, нарушения сна, секса, отдыха, развлечений, хобби, обучения и переобучения, достижения жизненной гармонии, поиска вкуса к жизни, улучшения настроения, отправление траура по близким, постижения искусства отказа, воспитания детей, социальной реабилитации, программ рационального питания, гимнастики и поддержания физического состояния, проектов озеленения жилища и садовых участков – это блага, предложенные и производимые новым средним классом. Все эти блага должны служить такой стилизации жизни, которая ис-

¹ Вачок 1993² Филлис 1978³ Лаш, Урри 1987, с. 288¹ Лаш 1990, с.30² Bourdieu 2005, с. 383, 439

ключает или отодвигает от нее угрозу традиционного счастья. Следует также упомянуть и тот факт, что профессии нового среднего класса не только предложили возможность удовлетворения стремления «быть собой», но и уже пробудили такое желание у других¹. Возможность распространения стиля жизни нового среднего класса тесно связана с присущими ей «специализациями» в области образного воздействия. Необычная привязанность этого класса к образным представлениям (себя и других) и значение, которое придается этим представлениям, позволяет сделать выводы и вспомнить о том, что результаты этих представлений, как и результаты символических битв в целом, никогда не бывают только символическими.

Каким является процесс развития общества или социальные условия, при которых все, о чем говорилось, приобретает новым средним классом в кредит, но определенная форма «жизни в кредит» признана такой же рациональной, как и ранее упомянутый аскетизм, а образные «представления» об освобождении от экономической предопределенности стали такими же условными, как и экономические? При каких обстоятельствах «экономика распушенности» превратилась на приносящее прибыль предприятие? Какая ранее сформированная почва сделала возможным легализацию и последующее распространение расчетливого гедонизма²? Напомним, что и аскетизм, и расчетливый гедонизм предполагают самоконтроль, и в этом смысле представляют собой два различных варианта одного и того же отношения индивида к себе. Кошмары, которые могли преследовать в снах пуритан, говорят только о том, что боялись они нищеты, лишенной элегантности, и хаотической жизни как свидетельства потери самоконтроля. Однако более существенной является причина, приведшая к пробуждению жажды жизни.

Две концепции Макса Вебера и Мишеля Фуко позволяют выстроить правдоподобные сценарии возможных изменений и правдоподобные портреты современного человека. Протестантство, как следует из выводов Вебера, разрушило возможность простой жизни. Отсутствие духовной поддержки и ав-

¹Bourdieu 2005, с. 450-452

²Гедонизм - стремление индивида к росту своего благосостояния во имя максимизации получаемого от жизни удовольствия (прим. перев.)

торитета церкви не только и не настолько оставили индивида одного перед Богом, насколько оставили его одного перед жизнью. Можно сказать, что следствием отречения от духовных средств спасения и, в итоге, от магического и ритуального значения существовавших обычаев, стала вероятная конфронтация не с жизнью вообще, а с конкретной человеческой жизнью. Раньше ритуальные практики со свойственной им театральностью и прямотой показывали, какой является связь между жизнью индивида и его спасением. Исчезновение источников, гарантировавших связь между жизнью и спасением, породило вопрос: что в этом случае сделать с жизнью и как ее прожить, в соответствие со спасительным планом Творца?

Вытекающая и заимствованная из организованной жизни дисциплина позволила пуританам строить жизнь, которой жил индивид, понемногу и непрерывно. Несомненно, первым существенным шагом было простое деление жизни на работу и семейную жизнь, на интересы и то, что по-настоящему не интересно. Второй шаг, это деление жизни на еще меньшие части, на конкретное время, уделяемое определенным занятиям: на часы, предназначенные для работы, сна, отдыха, семейной жизни и дружбы. Поэтому вызов, скрытый в вопросе «а что делать с жизнью?», был принят. Ввиду отсутствия соответствующих данному случаю магических и ритуальных средств для придания жизни смысла, человеческая жизнь еще раз вписывается в Тайну Спасения, однако на этот раз систематически, последовательно, через мелкие дела, очередность и продолжительность выполнения которых запланированы и отрегулированы. Одним словом, вписывается в План Спасения, однако, на сей раз, более рационально.

Подобное толкование, несмотря на различия в методологии, можно найти в выводе Мишеля Фуко, касающемся изменений, связанных с процессом модернизации власти¹. Современная власть покинула свой трон тогда, когда традиционный способ управления стал абсолютно непригодным, и, несмотря на рост населения – неэффективным. Традиционная власть обозначала свое присутствие законами и жестами. Бунтовщики, еретики, те, кто участвовал в заговорах против власти

¹Sayer 1991, с. 122

или не высказывал ей надлежащего уважения, арестованы и умерщвлены. Успешность традиционной власти опиралась на угрозу смерти. Для того чтобы избежать приговора такой власти – пыток, увечий, смерти, налогов и призыва в армию, достаточно было спрятаться в лесу.

Современную власть отличает от традиционной, прежде всего то, что она не пытается управлять обществом путем обычного устранения своих противников. Современная власть начала «производство» шансов, возможностей, перспектив и видов на хорошую жизнь. Соответствующим образом гарантированные или внушенные жизненные шансы, пробужденные надежды и предоставленные захватывающие перспективы привели к тому, что индивид, пользуясь созданными властью возможностями, связан своими собственными стремлениями и мечтами о традиционном счастье и сам, при своем хорошо понятом интересе, удерживается на соответствующем месте. Несмотря на вероятность того, что индивиды сами будут сотрудничать с властью, отсутствие уважения к их стремлениям и правам стало порицаемым не только морально. Отсутствие такого уважения явилось следствием невежества в вопросах того, как эффективно и с пользой для всех осуществлять власть¹. Для современной власти подходящим предметом управления и политическим объектом стала жизнь. Однако, в условиях «новой политэкономии», которая мобилизовала все жизненные силы и оптимизировала средства их использования для собственной эффективности и прибыли, этот же политический объект – жизнь, становится предметом притязаний индивидов и может быть использован против системы.

«Право на жизнь, тело, здоровье, счастье, удовлетворение потребностей, право на поиск своей индивидуальности без всякого принуждения и дискриминации» могут иметь характер утопии, в отличие от рассуждений на эту тему, как пишет Фуко², которые имеют подмоченную репутацию. Следует еще добавить, что жизнь, имеющая для власти, прежде всего, «популистское» значение, в заявленных требованиях принимает абсолютно конкретный характер. Независимо от того, проявля-

ет ли жизнеутверждение в актах противодействия или актов пассивного восприятия существующего порядка, связанного со стремлением к традиционному счастью, в конечном итоге всегда говорится о конкретной жизни, обусловленной мировоззрением именно этих, а не других людей. Переходный период между XVIII и XIX веком изобилует спорами, связанными с «Декларацией прав человека» от 1789 года. Уже тогда были слышны голоса, заявлявшие о том, что завоевания Революции¹ должны уменьшить формализм в рассуждениях о правах человека. Абстрактное мышление привело к тому, что сделано «много для чести человека, немного для его свободы и практически ничего для его счастья»². Разрушение религиозных основ дисциплины со всей силой потребовало сделать актуальными вопросы, вокруг которых ранее крутилось и формировалось пуританское сознание. «Исчезновение» Бога подтолкнуло к вопросу о том, как прожить собственную жизнь и какими критериями измерять и оценивать повседневное существование³? Существовавшие ранее правила, которым подчинялась действительность и человеческая жизнь, были правилами, установленными Богом. Права, ставшие естественными, теряют свой метафизический смысл и становятся механической «логикой вещей» и техническим отношением⁴. В смерти, причиной которой является наследственность индивида, никоим образом не удастся разглядеть смысл. Можно сказать, что на этот раз смерть Бога становится причиной изучения человеческой жизни.

В истории политического объекта, которым является жизнь, можно выделить два этапа⁵. Первый этап и первая «конкретизация» жизни – это политика эмансипации, или тот способ мышления и те действия, которые основываются на иерархическом видении власти. В этом случае целью действия является освобождение от несправедливого доминирования и уничтожение основанных на традициях или инерции механизмов воспроизводства преимуществ, которые имеют различные социальные категории: богачи, собственники, управляющие, мужчины, бе-

¹ Великая Французская революция 1789 года (прим. перев.)

² Dumont 1983, с. 102–107

³ Sayer 1991, с. 151–153

⁴ Schluchter 1985, с. 54–56

⁵ Giddens 2005, с. 286–313

¹ Gordon 1991

² Foucault 1995, с. 127

лые люди. Стремление к освобождению от предопределенного прошлого и от механизмов, воспроизводящих несправедливое разделение, подчинено идее формирования будущего или даже самой истории. Как пишет Гидденс¹, основные цели, которые ставила перед собой политика эмансипации – это справедливость, равенство и братство (впрочем, по-разному понимаемые). Жизненная политика не умаляет целей политики эмансипации. Однако ее исходной точкой является уверенность в том, что имеем дело с хотя бы частично свободными индивидами. Ощущение относительной свободы можно связать с достижением если не самих прав, то какого-то вида осознания их реальности и доступности. Жизненная политика касается всех тех ограничений и проблем, которые связаны с возможностью самореализации, самовыражения и чувством собственного достоинства².

Жизнь в рамках этой политики подлежит конкретизации именно как стиль жизни. Контркультура шестидесятых – это инаугурация жизненной политики. Именно тогда была установлена граница между личным и публичным, и политическим. Годы семидесятые и восьмидесятые – это время кристаллизации и организации групп и движений вокруг проблем, определенных ранее как сугубо личный выбор, который индивид осуществляет по собственному разумению³. Новая политика открыла «святая святых» приватности индивидов. Стандартным постулатом в рамках политики эмансипации являются «равные жизненные шансы». То, что чернокожий, гей или женщина имеют или обязаны иметь такие же жизненные шансы, как и белый гетеросексуальный мужчина, является уже само собой разумеющимся. Очевидность такого права собственно и является достижением политики эмансипации. То, что они имеют или должны иметь равные жизненные шансы, является очевидным и следует из того, что каждый просто имеет право быть чернокожим, геем или женщиной. Однако равенство шансов обусловлено, но, по сути, не гарантировано. На этом этапе политика эмансипации остановилась. Равные жизненные шансы тем больше становятся равными, чем больше усердия приложит чернокожий, гей или женщина в направлении того, чтобы стать похожим, осо-

бенно стилем жизни, на белого гетеросексуального мужчину⁴. Поэтому, с уважением относятся к праву равных жизненных шансов, а не выбранному для себя стилю жизни, или, короче говоря, отсутствует право «быть собой».

И хотя задачи, которые ставила перед собой политика эмансипации по-прежнему остаются актуальными, следует отметить, что проблемы различных «традиционных» (этнических или религиозных) неравенств были впоследствии включены в программу жизненной политики и отнесены к проблемам, связанным с самореализацией. Связывает движения, представляющие собой «Новую политику», то есть, жизненную политику, уверенность в том, что привилегированные условия для самореализации имеет в настоящее время белый, богатый, обладающий ангельской внешностью, хорошо образованный, гетеросексуальный мужчина. Даже если и «прочие» имеют гарантированные законом условия и возможности для сохранения традиционных взглядов или принятия решений, подтверждающих, что они меньшинства (этнические, религиозные или сексуальные), проблемы, связанные с самореализацией, все равно не исчезают, так как индивидуальные отличия и стиль жизни всех «прочих» осуждается при различных обстоятельствах и различным образом.

Целью жизненной политики является создание таких условий, при которых шансы на ощущение самореализации и сопутствующее ему ощущение собственного достоинства не зависели бы от степени соответствия стилю жизни белого, гетеросексуального мужчины. В рамках жизненной политики реализуемый стиль жизни становится основанием для кристаллизации политических позиций, а также организации акций протеста и создания общественных движений. Можно сказать, что те стили жизни, которым сейчас придается значение индивидуального и приватного выбора, всегда потенциально связаны с политическими взглядами, а некоторые из них даже реализуются в виде политической платформы.

Напомним, что жизненная политика не нивелирует «традиционные» неравенства, а способствует их появлению в новом контексте. Решающее значение для нового определения нера-

¹Giddens 2005, с. 289

²Rose 1997

³Hall 1994, Zaretsky 1997

⁴Goffman 2005, с. 171

венств, упомянутых в рамках политики эмансипации, имеет предположение о том, что какой-то из видов независимости стал уже, как минимум, потенциально доступен всем. Жизненная политика создает новые возможности для обнаружения и оценки различных неравенств. Принадлежность к постоянно обделяемым меньшинствам не является следствием предопределенности и, по меньшей мере, не является результатом. Если бы различные формы дискриминации являлись следствием абсолютной безысходности, то предметами спора не стали бы самореализация и право на чувство собственного достоинства. В границах жизненной политики принадлежность к дискриминированным меньшинствам является, до определенных пределов, предметом выбора индивида. В рамках жизненной политики «образ» белого, богатого, хорошо образованного гетеросексуального мужчины и его стиль жизни не являются предметом подражания для других. В жизненной политике идет речь о том, чтобы фактическое меньшинство и стиль жизни, который демонстрирует этот «образ», не были у индивида критериями для сравнения параметров собственного существования. Если в политике эмансипации предметом требований было создание таких условий, при которых все будут иметь равные шансы на социальную и экономическую свободу, то в жизненной политике основным является значение, которое придается независимости индивида и стилю его жизни, а также связанный с самобытийностью опыт собственного существования.

Следствием жизненной политики является убеждение, что выбор необходим, а «жизнь по-простому» не возможна. Кроме того, заимствованные стили жизни воспринимаются индивидами как традиционные стили жизни или как процесс «возврата к истокам». Стиль жизни не является проявлением наследственности или иных форм предопределенности. Это область, в которой индивиды пользуются свободой и самоопределением. Таким образом, жизненная политика свидетельствует о существенном изменении наблюдаемых классовых различий. Классовые различия подлежат более тщательному исследованию. Результат исследования становится впоследствии источником культуризации классовых различий¹, приводя к тому, что клас-

совые различия и ощущаемая безысходность могут стать предметами игры. Классическим и показательным примером такой точки зрения является новый средний класс. Новый средний класс – это класс без собственной культуры. Исключительность его положения, прежде всего, основана не только на понимании возможности, но и на необходимости создания себя¹. В этом месте следует еще раз вспомнить о том, что культуризация социальных различий проявляется настолько очевидно, что становится характерной для поздней современности. Культуризация социальных различий происходит в условиях доминирования морали того класса, который извлечен от традиции, трактуемой как предопределенность. Положение этого класса в структуре в значительной степени является результатом его самоопределения и становится предметом игры.

Приведенный далее вывод Бурдьё должен послужить поиску истоков фундаментального для культуры индивидуализма убеждения и ощущения «общества – как возможности». Другими словами, речь идет об определении условий выбора индивидом соответствующего способа «самоисследования» в условиях самосоздания. Смысл внутриобщественного аскетизма реализовался на фоне праздности и лени аристократии и низших классов. Этой праздности и лени пуритане противопоставили труд и жизнь, полную самопожертвований. Воспринятый смысл собственной жизни тех, кто испытал аскетизм, был ощущением отличия от других способов существования в мире². Подобно случаю нового среднего класса, ограничением и одновременно источником индивидуальности является понимаемое, или доступное для понимания отличие от других. Положению нового среднего класса Бурдьё³ приписывает иллюзию ощущения «мира без границ», поскольку изначально существенным ограничением в его создании является собственно публичность нового среднего класса. Высший и низший классы устанавливают границы того, что в соответствии с Бурдьё, могут познать и осмыслить те, кто оказался в «среднем» положении. Присущая новому среднему классу театрализация жизни, демонстративность, блеф и игра позволяют сказать, что очевидно публич-

¹ Sennet 1997, с. 326-330

² Weber 1984, с. 122

³ Bourdieu 2005, с. 73-80

ность сыграла существенную роль в организованной средним классом «самопрезентации». Ограничением хаотичности самоздания и самопредставления явились его собственные модели действий и присутствие высшему и низшему классу стили жизни (хотелось бы сказать приписываемые), на основе и при частичном использовании которых, а также с учетом своих, хорошо понятых интересов новый средний класс должен был себя преподнести. Положение, которое занял новый средний класс, это положение, в котором появляется ощущение того, что в жизни многого можно достичь и многого можно потерять. Видимая с этого среднего положения структура принимает особый характер: место в обществе напрямую зависит от выбора индивида. В таком контексте становится понятным основным для современной культуры индивидуализма убеждение, связанное и вытекающее из опыта нового среднего класса в том, что свобода реализуется путем выбора, или, в менее оптимистически звучащей версии – «нет выбора, нужно выбирать»¹.

В соответствии с Бурдьё, стили жизни высшего и низшего класса определяют свойственные им очевидные потребности. Понятно, что в случае высшего и низшего класса их перечень является диаметрально противоположным. В случае высшего класса чувство предопределенности проявляется в ощущении особой одаренности и избранности, обладания особого рода харизмой, которая *обязательно* направит к упомянутым действиям и предметам². Харизма проявляется в виртуозном стиле речи, общении с произведениями искусства и людьми, и, в целом, в таком стиле жизни, при котором легкость того, что делаешь, является следствием какого-то безразличия и отсутствия демонстративности. Поэтому такая харизма исчезает без следа тогда, когда из нее пытаются извлечь пользу или «запрячь» для получения выгоды. Харизме невозможно научиться. На харизме нельзя заработать. Харизму никаким образом не удается рационализировать.

Зато низший класс характеризуется предопределенностью, проявляющейся в ощущении такой необходимости, подчинение которой становится ценностью. Испытываемая этим

¹ Giddens 2005, с. 113

² Bourdieu 2005, с. 608-610

классом нужда имеет свои достоинства (благодаря чему она переносима), которые позволяют однозначно отделить вещи и действия, кому-нибудь или чему-нибудь служащие, от прихотей и безумств. Полезность и «служение кому-нибудь или чему-нибудь» – это определяющие критерии в используемой низшим классом классификации вещей, действий и людей¹. В то время как сущность аристократического стиля жизни можно определить, как пишет Бурдьё, как «отсутствие функции», или как то, что никому, ничему и никогда не служит.

Таким образом, в обоих случаях имеем дело с четко определенным взаимодействием. Положению низшего класса сопутствует особая форма естественной и очевидной необходимости, которая, вне всякого сомнения, непримлема для высшего и среднего классов в любом смысле этого слова. Если же говорить о высшем классе, то его уделом является «чуждое», как бы сверхестественное, «не от мира сего» предназначение. Стиль жизни, характерный для нового среднего класса – это поведение, в котором не отражается ощущение новой свободы, а также новой необходимости, неизбежности выбора и создания себя. В отличие от приписываемых высшему и низшему классам различных видов ощущаемых ими предопределенностей, образом или основой стиля жизни нового среднего класса является реализация убеждения или мечты о возможности освобождения от всяческих предопределенностей и преодоление сил общественного притяжения².

В соответствии с Бурдьё, классовые различия были переименованы и восприняты как естественные в вопросе об «идеологии вкуса»³. Естественный смысл, которым ранее все были обделены одинаково, направляет индивидов к определенному поведению. Устранение различий с «собственным» вкусом индивидов, а по сути, с социально унаследованным вкусом, приводит к тому, что стиль жизни рассматривается как пространство для индивидуального, частного и болезненного выбора⁴. Поэтому уверенность в том, что «собственный» и «натуральный» вкус влияют на практикуемые стили жизни и различия

¹ Bourdieu 2005, с. 460-461

² Bourdieu 2005, с. 451-456

³ Bourdieu 2005, с. 70-73

⁴ Bourdieu 2005

между ними, делает классовые различия естественными. В вопросе вкуса антагонизмы и классовые барьеры проявляются не в исключительных «предреволюционных» обстоятельствах, а становятся элементом ежедневного исследования и ежедневно ведущихся схваток между участниками¹. Обращение Бурдьё к *смыслу* вкуса для того, чтобы выяснить, как ощущаются классовые различия, позволит описать фактическое и конкретное их проявление на уровне ежедневных взаимодействий. По замыслу этой теории, классовые разрывы *проявляются* через вкус и ощущаются в виде антипатии к иным стилям и способам существования. В этом месте следует спросить, как и каким образом (в смысле появления выбора и возможностей в обществе) осмысление касается вкуса, и могут ли в процессе осмысления вкуса изменяться разрывы и барьеры между классами?

Средний класс приступил к рационализации вкуса. Стилисты, терапевты, законодатели моды, проектанты и разного рода консультанты в сфере самосоздания – это профессии нового среднего класса. Рационализированный, разобранный на части вкус, даже если у некоторых такая операция или даже мысль о проведении такой операции вызывает ужас, был с помощью среднего класса сделан неестественным в том смысле, что стал предметом выбора индивида. Вкус лишился естественных, присущих ему изначально качеств. Средний класс видоизменил вкус, отобрав у него натуральные качества. Чувствуется, что выбор ощущений в морали среднего класса не определяется природой. Упорядоченная жизнь должна служить распределению, регулированию и дозированию как содержания, так и количества отобранных индивидом ощущений. С помощью регламентации допустимых и запрещенных развлечений, рекомендуемых форм отдыха, упорядоченной сексуальной жизни и применяемой диеты, пуритане соблюдали дисциплину и, по этому, могли выбирать вкус. Упорядоченная жизнь позволяла контролировать наступающее возбуждение. Самодисциплина являлась ничем иным, как постоянным, систематическим давлением на смысл, которым является вкус, благодаря чему он формируется в соответствии с желанием его владельца. Вкус, после *рационализации*, выполненной средним классом, пере-

местился из сферы природы в сферу культуры. Однако, вкус, как «объект» культуры теперь может быть предметом тренинга, самообразования, небольшой коррекции, радикального изменения или только «освежения», и поэтому может принимать в морали нового среднего класса характер рыночного и культурного предложения, и в итоге – стать предметом индивидуального выбора и стилизации.

Процесс рационализации вкуса, как показывает Кэмпбэл, начался уже в XVIII веке. Дебаты по поводу вкуса, которые проводились на стыке XVIII и XIX веков, столкнули аристократическую харизму в понимании прекрасного с присущим среднему классу здравым смыслом. Для аристократии вкус является врожденным и передается по наследству. Им не только обладает индивид, а скорее индивид с его помощью имеет. Если вкус, в какой-то степени «овладел» индивидом, то его нельзя сменить ни на лучший, ни на худший. В утилитарном индивидуализме, глашатаем которого является средний класс, прежде всего, рекомендовалось придавать вкусу «какую-то функцию». Средний класс ищет смысл своего присутствия в обществе в обязанностях и в выполняемой им миссии. *Постижение* вкуса средним классом собственно и основано на поиске смысла вкуса в возможных приложениях. Путем соединения «проблемы вкуса» с моралью и потребительскими качествами был выполнен первый необходимый шаг к рационализации вкуса. Ибо, если вкус что-то объединяет с моралью, то не только может существовать, но и существует определенная возможность для его тренинга, выбора, поиска и даже изучения. А, значит, над вкусом одержал победу Разум. Если бы вкусу нельзя было хотя бы немного научиться, и таким образом, хотя бы немного его изменять и выбирать, то за него нельзя было бы отвечать¹. Только «переработанный» и более или менее изысканный (в двойном значении этого слова) вкус, может стать основанием для правильного, индивидуально и индивидуально совершенного выбора. Пуритане избегали восточных приправ, считавшихся афродизиаками и возбуждающих мысли театральных представлений для того, чтобы не разжигать аппетит к тому, что в их морали считалось проявлением «дурного вкуса».

¹ Bourdieu 2005, с. 574-583

¹ Campbell 1987, с. 155-160

Благодатной почвой для такого спора о происхождении вкуса являлась пуританская набожность. Пуритане, чтобы познать правду о собственном предназначении, предавались исследованию собственных ощущений в этом вопросе. Предписанная им проповедниками «упорная вера» была в минуты наибольшего отчаяния также и спасением в любом смысле этого слова. Во-первых, потому, что являлась окончательным свидетельством Милости Божьей, а во-вторых, вследствие применения этой рекомендации должно было измениться их отношение к ощущению безысходности таким образом, чтобы облегчалось его восприятие. Чувство отчаяния было объяснено и рационализировано как одно из состояний познания правды о себе. Поэтому смысл ощущений и сами ощущения не могли ощущаться пуританами как нечто неопределенное и приходящее извне. Собственные ощущения представляли для них предмет изучения и анализа и, тем самым, всегда доступную область для особого действия, которым является возможность влияния на себя. Поэтому ощущения, в том числе, и отличающийся вкус, могли приобретать характер предмета новой работы – работы над собой.

Рационализация вкуса, выполненная средним классом, повлекла за собой неизбежное изменение определения ощущаемого сегодня несчастья. На сей раз рынок, его предложения и принятие им обязательства становятся источником символической победы. Новая беда связана с опасением, что ранее унаследованный вкус на сей раз будет просто-напросто жестоко навязан или с помощью уговоров внушен тем, для которых жизнь стала искусством потребления. Следует добавить, что, по мнению Бурдьё, так же как и вкус принуждает к ежедневному изучению классовых различий, так и склонность к рассуждениям – это сформированное средним классом новое «чувство», служит не только основанием для одноразовых актов критической оценки дел, вещей и людей, но и является стержнем постоянного активного самоконтроля или «критической осознанности». «Критическая осознанность», это новый, сформированный в рамках культуры индивидуализма конечный смысл, определяющий не только стиль жизни, но и нечто большее – способ существования и основную профессию, фактор, окончательно

свидетельствующий о том, является ли действие субъективным и авторским или же следствием безысходности.

Несмотря ни на что, новая беда – диктат или уговоры, должна легче переноситься (в любом смысле этого слова). Ведь все профессии, которые можно отнести к категории *taste makers*¹, являются специальными нового среднего класса. Следовательно, безысходность исходит «изнутри», а «внутренние демоны» в культуре индивидуализма переносятся легче, чем системное принуждение. Происходит это потому, что «внутренние демоны», как пишет Вузман², в отличие от системной покорности, являются «собственными, выбранными, и, поэтому, более достоверными». Это может свидетельствовать о том, что в ходе процесса индивидуализации, сверх- или вне-личная предопределенность все более похожа на какое-то духовное проклятие. В то же время принуждение, вызванное «внутренними демонами», приносит определенную пользу, так как индивиды не лишены возможности самовыражения. Таким образом, в культуре индивидуализма находится место чрезмерному губительному труду, при условии, что индивиды принуждают к нему «внутренние демоны», а не работодатель. Недостойное человека ощущение существования используемым и эксплуатируемым замещается легче переносимой сегодня самоэксплуатацией. Трудоголизм, это персонафицированный или рационализированный с помощью психологии вид эксплуатации и, прежде всего, проблема личности, а не экономического принуждения. Следовательно, трудоголизм становится формой яркого самовыражения, проявлением прошлого опыта индивида и его актуальных проблем. Трудоголизм, расстройства пищеварения, также зависимость от азартных игр, это симптомы, которые в характеристике индивида свидетельствуют об испытанной им безысходности. Следовательно, в индивидуализированном обществе предопределенность воспринимается легче и охотней тогда, когда приобретает характер аллергии, внутреннего принуждения и воспринята после того, как она была индивидуализирована в определенном смысле и так же, как и вкус, выбрана индивидом.

¹*taste makers* (англ.) – формирователь вкуса (прим. перев.)

²Wuthnow 1996, с.120-124

В культуре индивидуализма этот способ изучения себя и общества, как возможности и необходимости выбора (всего, что можно себе представить, а значит и вида предопределенности), становится основой культуризации классовых различий в смысле того, что стиль жизни приобретает значение яркого самовыражения, *ощущения*, связанного с занимаемым в социальной структуре местом. Стиль жизни и культура не являются отражением социальной структуры. Осознанно выбранный стиль жизни становится, как и ранее самодисциплина, способом самосоздания, а уверенность в возможности и необходимости создания себя является фундаментальным понятием культуры индивидуализма. В морали среднего класса отсутствие традиций и самодисциплина представляют собой два основных элемента самоисследования. Пуританин имел в своем распоряжении материал, которым являлась его собственная жизнь, и инструмент для ее формирования – самодисциплину. Жизнь, понимаемая как время, выделенное человеку Богом, и необходимость придания ей формы, это условия, ограничивающие человеческое существование. Правду о себе, либо правду о спасении или проклятии, человек может узнать только от себя. Раскрывал эту правду его собственный образ жизни. А значит, парадоксальная вера в частный характер Милости Божьей или уверенность в том, что все уже предопределено и человек бесслен изменить вынесенный ему приговор, ускорили и ужесточили процесс индивидуализации, ибо приговор удастся узнать уже сейчас, а не в будущем. Приговор записан в образе жизни, которую можно выбрать, и в содержании ощущений индивида, которые тоже можно выбирать.

Уверенность в том, что принцип: «никто иной, только я выбираю» – это ситуация конфронтации, стала на этот раз уделом нового среднего класса, результатом общения с особенным «политическим объектом», которым является жизнь и с ее конкретным проявлением – с собственной жизнью индивида. Однако это не означает, что такое общение, бывшее ранее уделом первопроходцев капитализма, а затем авангарда свободного стиля жизни, стало опытом, из которого совершенно исчезли готовые ответы на вопрос: как жить? Актуализация этого вопроса позволяет оживлять и развивать культуру индивидуализ-

ма. Этот вопрос возникает из-за постоянно существующей в этой культуре угрозы, связанной с преимуществом инструментов формирования жизни над самой жизнью. Как показывает история личных трагедий и возрождений в реформированных церквях, впадение в рутину и поиск комфорта вместо подтверждения Милости Божьей беспокоили пуритан. Можно сказать, что всяческие изменения и повороты в индивидуализме собственно и связаны с различными проявлениями аналогичных сомнений. Такую же обеспокоенность, связанную с намерением вернуть актуальность вопросу о граничных условиях человеческого познания, можно увидеть и в бунте 1968 года. В этом случае угасание старого религиозного мотива, кроме опыта «новых духовных основ», толкало на поиск какого-либо его заместителя в области национальных задач (война во Вьетнаме) или светских учений о будущем человечества (создание новой цивилизации, здоровье, молодость, возврат к природе).

Только путем сравнения с самодисциплиной во внутриобщественном аскетизме можно выявить смысл, которым после бунта семидесятых наделяется стиль жизни. Стиль жизни является ярким самовыражением в том же смысле, в каком самодисциплина позволяла пуританам открыть правду о своем предназначении. Спасение или проклятие, ощущение смысла существования или уход в небытие, зависят от образа жизни, выбранного индивидом. Приписываемое среднему классу отсутствие культуры, отсутствие традиции и отсутствие собственной истории, а значит, какая-то форма врожденной неполноценности и отсутствие чего-то, что закрепляло бы его в «социальном пространстве»¹, было использовано этим классом для получения собственной, хорошо осознанной выгоды. Отсутствие культуры, традиций и истории, в конце концов, было переименовано в ощущение свободы от предопределенности, связанной с заимствованием или наследованием образа жизни. Силы общественного притяжения перестали действовать в тот момент, когда все это ощутили и об этом заявили. Из традиций нового среднего класса и использованных им стратегий родился самый простой известный в культуре индивидуализма способ собственного освобождения. Условием освобождения, при этом, является простое заявление

¹ Sennet 1977, с. 327-330

и проявление своей независимости в выбранном способе жизни. Созданное новым средним классом общество без общественного притяжения существует в двух конкурирующих формах. С одной стороны, не только потребление, но сама жизнь становится в таком обществе искусством. Даже проблема здесь может быть выбрана с помощью соответствующего самоисследования, терапии или стиля жизни, нейтрализована и устранена. Смена способа самоосмысления позволяет менять все: с помощью стиля жизни можно изменить положение в социальной иерархии, а также устранить и/или, по меньшей мере, видоизменить естественную предрасположенность. Возраст, пол, а также цвет кожи являются проблемами вкуса и выбора, которые проявляются в стиле жизни. Самоидентификация – это дело выбора и принципа. С другой стороны, именно легкость предложенного этим обществом освобождения дала толчок подозрению или твердому убеждению, что новый, свободный стиль жизни является лишь театральным представлением свободы. Блеф, циничная игра, театральность и смертельное соперничество, маскируемые динамичной личностью или жадной успешностью, это иной вкус свободного от общественного притяжения общества.

Можно сказать, что в этом смысле новый средний класс создал и применил новую экономическую логику ко всему, что можно придумать. Новая экономическая логика отреклась от аскетизма, воздержания и «искусства производства», и заменила их стремлением к обогащению распущенностью и «искусством потребления». Новая экономическая логика предусматривает жизнь в кредит также и в выбранной для себя свободе. Свобода, о которой новый средний класс заявляет и которую себе приписывает, это выделенный себе кредит. Стиль жизни, который он ведет, его излюбленные продукты и услуги, помогающие создавать и освобождать себя, говорят о том, что заявленная свобода требует постоянного развития и того особого мастерства, которым является *выбор*.

Как утверждает Бурдьё, берклианское видение мира позволяет жить в кредит и пользоваться свободой, а, точнее говоря, определенной ее частью, так как реализация сущности или природы той свободы, о которой говорится, как бы постоянно запаздывает по отношению к действиям, подтверждающим или

говорящим о факте обладания ею. Тем не менее, заявляемая новым средним классом свобода от экономической предопределенности не устраняет и даже не уменьшает изнурительный труд и соперничество. В то же время, связанный с утилитарным индивидуализмом труд в этом случае принимает вид трудоголизма. Трудоголизм стал характерной приметой восьмидесятых годов и «культуры предпринимчивости»¹. Антиподами этой культуры являются отсутствие практичности, инициативы и ответственности за свою судьбу, и «культура зависимости», развитая в опекаемом обществе. Провозглашенная культурой предпринимчивости попытка возвратиться к морали ограничений и отказов не была полностью реализована. Трудоголики, *city boys*² и *urpies*³, эти доминирующие категории культуры предпринимчивости, представляют собой карикатурную версию морали обязательств и отказов. Свобода от экономического принуждения проявляется здесь в виде потребления для собственного удовольствия, зависимости от труда, или в виде переименования внешней предопределенности на внутреннюю.

Однако, и в этом случае, что нельзя не отметить, новая экономическая логика является предвестником новой жизненной политики. Новая экономическая логика, не только допускающая, но даже принуждающая к распущенности, к жизни в кредит, одним словом, к совершенно безумным поступкам, подыгрывает традициям яркого индивидуализма и подталкивает к тому, что можно жить так, как если бы что-то уже было. Распущенность и жизнь в кредит стали не только обоснованными, но и желательными настолько, насколько могут служить «яркому проявлению» правды о себе.

Проявление подобной логики можно найти в жизненной политике. В соответствии с ней, тоже можно жить так, как будто желанная свобода стала не частично, а полностью доступной. Ведь в жизненной политике, в отличие от политики эмансипации, не предусмотрена возможность переноса на будущее свободы или создания лучшей жизни для следующих поколений⁴.

¹ Heelas, Morris 1992

² City boys (англ.) «городские мальчишки» – молодые люди, берущиеся за любую работу, позволяющую жить в городе (прим. перев.)

³ Urpries (жарг. англ.) young urban professional – молодые городские профессионалы, термин, относящийся к представителям среднего класса в возрасте от 20 до 30 лет (прим. перев.)

⁴ Hall 1994; Baumann 1998, с.199-204

В этом мы можем найти ответ на ключевой для жизненной политики вопрос «как жить?» Да, можно жить так, как если бы свобода, о которой говорится, уже стала уделом всех. Ведь в жизненной политике говорится не о жизни в общем, а о конкретной, собственной жизни. Одним из таких примеров и, одновременно, иллюстрацией, выполненной в рамках жизненной политики конкретизации проблем существования, может быть часто появляющийся в пособиях по самolecению вопрос: «Как бы жил/жила, если бы знал/знала, что жить тебе осталось всего год?» В этом вопросе уже содержится очевидный ответ, который должен служить полному самодиагнозу и оценке качества жизни. Результатом такого, проведенного на себе, исследования является отличие жизни кого-то, кто знает, что остался ему год жизни от жизни, которую он фактически ведет в настоящее время. Чем больше различие между ними, тем, понятное дело, хуже результат или итог предлагаемого этим вопросом самоисследования. Аскетизм становится для лучшего будущего неподходящим и нездоровым образом жизни. В вопросе содержится искомый ответ, который должен служить теперь, точнее сейчас, хотелось бы жить, а не откладывать настоящую жизнь на будущее, жить, взяв в кредит не только свободу, но и время. Пуритане считали, что празднично проведенный день не только не приносит прибыли, но и является «выбрасыванием денег в окно». Сейчас, в морали нового среднего класса, для признания *этой* жизни требуется, чтобы она была «лучшего качества». Перенос жизни на будущее является сейчас бесполезной тратой жизни, неподдающейся обоснованию и тем более оправданию. Таким образом, разрушение религиозных основ избранного образа жизни привело к тому, что неизбежность человеческой смерти предопределена сутью человеческой жизни и ее итогом.

1.2. Стиль жизни как способ самовыражения и избегания неудач. Коммерциализация бунта

Стиль жизни в культуре индивидуализма может иметь два значения: средство яркого самовыражения и способ самостоятельного освобождения индивида от испытываемого им давления и ограничений¹.

Стиль жизни в культуре индивидуализма представляет собой пространство для яркого самовыражения индивида, область, в которой практикуется аутентичность и, в то же время, является способом самосоздания, апробацией различных вариантов собственного «Я» и экспериментированием. Стиль жизни, понимаемый как возможность экспериментирования на себе, не обязательно связан с радикальными и резкими переменами. Он редко превращается во внешне эффектный альтернативный стиль жизни. Наиболее распространенный способ проведения таких экспериментов, это известные из справочной литературы и озвученные терапевтами и друзьями рекомендации по проведению небольших перемен, незначительных корректировок, проба чего-то нового. Экспериментирование, изменение стиля жизни и смена привычек должны служить индивиду для поиска новых способов самовыражения и новых идей.

Содержание таких рекомендаций (особенно область и масштаб возможных изменений) указывает на то, что внутренние эксперименты должны проводиться с использованием всех средств обеспечения безопасности. Большинство рекомендаций касается таких изменений, ожидаемые негативные результаты которых удастся легко устранить: уйти в отпуск, о котором мечтал, запишись на курс йоги, найди себе новое хобби или ласкового пса, удивив друзей и приготовь экзотическое пиршество, а вместо столовых приборов подай «просто» палочки для еды или – сходи к парикмахеру. Даже принадлежность к религиозным и религиозно-оздоровительным группам в большинстве случаев ограничивается периферийным участием в них и имеет характер житейского приключения. Свобода и счастье в современной культуре индивидуализма становятся, прежде всего, проблемой использования «микрорациональности» и «малых шагов» как страховки¹. Освобождение происходит здесь «по кусочку» и «по частям». И хотя эти изменения кажутся малоэффективными, за ними скрывается сильная, основанная на традициях альтернативных стилей жизни уверенность в том, что «малое имеет значение». Как кажется, уверенность в том, что «малое имеет значение», это одна из основ «кода» ярко выраженного индивидуализма. Далее мы собира-

¹ Berger и др. 2005; Bellah и др. 1985; Giddens 2005; Lash, Urry 1985; Wuthnow 1996

¹ Bauman 1995b, с. 176-177

емся показать, каким образом этот принцип проявляется в различных способах яркого самовыражения, выражаемых стилем жизни, и какую пользу получает от него реклама.

Значение, которое придается стилю жизни, растет, особенно, в сравнении с «не функциональностью», присущей традиционной индивидуальности. Стиль жизни, как более или менее совместимая конфигурация выборов и обычных правил, направляет индивида. Выбор способа проведения свободного времени, диета, марка автомобиля и выбор партнера связаны со стилем жизни больше, чем с его индивидуальностью¹. Общие предпочтения, вопросы о том, на что следует тратить деньги, что является необходимой покупкой, а что является вырасыванием денег на ветер и чистым безумием, согласие, или, по меньшей мере, возможность достижения согласия в этой сфере, являются сегодня необходимым условием для установления и поддержания близких отношений. Можно даже сказать, что в культуре индивидуализма выбор партнера не только мотивируется определенным стилем жизни, но и является одним из видов выбора, присущим именно этому стилю жизни. Профессиональная активность потенциального партнера, его профессия, выбранная модель карьеры, хобби, отнимающее много времени и дорогое или опасное, взгляды на отдых, вегетарианство и конкретно вегетарианский стиль жизни – это критические элементы характеристики этого стиля жизни.

Стиль жизни, это одна из форм яркого самовыражения и образ того, кем является индивид. Яркое самовыражение с помощью стиля жизни также является способом самопознания для индивида, так как при осуществлении выбора в этой сфере из «моря рыночных предложений» выбирается то, что «как бы специально было для него создано». В определенной мере, из собственного выбора индивид узнает, кем он является на самом деле. Стиль жизни в культуре индивидуализма является также формой передачи и представления себя другим, указанием, как они могут и должны его распознавать. В культуре, в которой индивиды познают и создают себя с помощью стиля жизни, все имеет смысл, как минимум условный, и средства, и материал для самовыражения. Иллюстрацией этому может

являться характерный пример свободного стиля жизни, рекламируемого контркультурой и подхваченного движением хиппи. Рекомендации типа: запишись на курс йоги, попробуй новую диету, или пойдти к парикмахеру, основаны на том же «коде» ярко выраженного индивидуализма, в котором есть немного смысла, или формально он может присутствовать.

Стиль жизни – это также способ освобождения и не только в том смысле, который присущ различным формам и проявлениям массового бунта. Значение, которое придается стилю жизни, позволяет увидеть в нем шанс на личное освобождение от того, что, по мнению индивида, ограничивает его свободу или возможность быть собой. Примечательно, что молодые люди, которых спросили о том, как они будут жить в будущем, ответили, что они не в состоянии сейчас это определить, однако абсолютно понятно, что это будет жизнь, отличная от той, которую ведут их родители¹. Провозглашение стиля жизни, непохожей на ту, которую вели родители, является, по существу декларацией собственной независимости. Стиль жизни – это пространство применения и поиска свободы индивидами путем подтверждения авторства осуществляемого выбора. Как следует из приведенного, часто звучащего заявления, стиль жизни – это практика, лично выбранная индивидами. В культуре индивидуализма с помощью стиля жизни можно освободиться от различных форм зависимости: от родительского давления и от предопределенности в целом. Собственно, важно не то, что ты кого-то заставил потратить ненормальную сумму денег, а то, можешь ли позволить себе такое безумство? Опыт освобождения и иные ключевые моменты в жизни индивида (карьерный рост, достижение независимости от родителей или партнера, духовное преобразование) проявляются и могут стать реальными для самого индивида и для других при смене стиля жизни. Особенно примечательными при таком подходе являются стили жизни, создающие такую конфигурацию практик и интересов, которая как бы изначально была задумана для того, что бы помочь реализовать мечты об абсолютной трансгрессии общественного. Лепси-хнатрия, лженаука, чакры, космическая энергия, эзотерика,

¹ Berger и др. 1973, с. 62-77

¹ Bellah и др. 1985, с. 56-65

«глубокая» экология, футурология, йога, экспериментальное кино, макробиотика¹, народная и нетрадиционная медицина, трансцендентная медитация, лечение музыкой («тай чи»), парафармацевтика, паранаука, парапсихология, галлюциногенные средства, телепатия, НЛО, синхроничность², вегетарианство и буддизм – вот неполный перечень средств, способов и интересных тем для стилей жизни, которые позволяют освободиться и «оторваться от земли»³.

В контексте свободных стилей жизни стоит еще раз вернуться к проблеме внутренних возможностей в сфере проведения экспериментов на себе. Понуждение к более или менее безумным изменениям типа: «запишись на курс йоги», «попробуй новую диету или экзотическую кухню» или просто «пойди к парикмахеру» содержат совершенно не скрываемое понуждение к тому, чтобы сделать что-то для себя. Если осуществление малых или больших изменений аналогично созданию чего-то для себя, то следует убедиться в том, что существующий стиль жизни по какой-то причине не полностью или абсолютно не подходит индивиду. Изменение стиля жизни или даже отказ от старого стиля жизни в пользу нового, это повод для того, чтобы в итоге сделать что-то для себя и, в конце концов, начать жить для себя. Стиль жизни может не подходить по многим причинам: являясь не здоровым и убивающим, не позволяет найти время, «предназначенное только для себя», является убийственным монотонным, не допускает развитие и самореализацию. Изменение в стиле жизни, понимаемое как возможность сделать что-то для себя – это освобождение от анонимной рутины, образа жизни, навязанного родителями, партнером, деспотичным шефом, или освобождение от засасывающей и вызывающей стресс работы, или, коротко говоря, освобождение от высказанных и невысказанных ожиданий других. Даже незначительное изменение, мелкие жесты и несущественные на вид действия могут иметь значение. Изменение стиля жизни может стать отправной точкой для поиска и обладания собственной жизнью.

¹ *Макробиотика* (μακρός – большой, βιολός – жизнь) – система правил в питании и определенном образе жизни, с помощью которых регулируется психофизическое состояние человека (прим. перев.)

² *Синхроничность* – «аккумулятивный принцип синхронности в природе» по К.Г.Юнгу (прим. перев.)

³ Bourdieu 2005, с. 451-456

Поэтому стиль жизни часто приобретает значение усовершенствованного пути к собственной независимости.

Культуре индивидуализма присуще убеждение в том, что с помощью стиля жизни можно себя освободить и, иногда, вполне достаточно изменений, выполненных в сфере несущественных дел (которые, например, требовали бы разрыва контактов с друзьями, разрыва с партнером или смены работы). Но где-то на периферии жизни находится более яркий образ того, что принято считать естественным и структурным предопределением. Стиль жизни позволяет выбирать между молодостью и старостью, существованием черным или белым, иммигрантом или местным, женщиной или мужчиной (или наоборот), а также между правом существовать женщиной или уподобиться мужчине. Собственно, в контексте такой неограниченной возможности выбора стиля жизни можно говорить о социальной трансгрессии. Во-первых, как показывают приведенные примеры, эта возможность не устраняет проблемы. Во-вторых, очевидно, что доступность различных стилей жизни не одинакова¹.

Тем не менее, даже крайняя нищета и чрезвычайно малая возможность использования рыночного предложения, как утверждает Гидденс², не исключает раздумий на эту тему с последующей возможностью выбора. Выбор, в соответствии с Гидденсом, является условием или необходимостью поздней современности. Выбор также является следствием интерпретации собственного опыта, независимо от того, какое место занимает индивид в социальной структуре. Бэк и Лэш утверждают, что низшие классы восприняли мораль и самобытность лучше, чем чувство классовой принадлежности, что повлияло не только на их жизненные стратегии, но и на будущую интерпретацию их личного жизненного опыта. Ассимиляция морали индивидуализма низшими классами окончательно привела к распаду их коллективного сознания. Антиавторитарная мораль поп-культуры подвергает сомнению не только авторитет бюрократического общества, но и иерархические уклады в организациях и центрах, представляющих этот класс³.

¹ Giddens 2005, с. 114

² Giddens 2005, с. 120

³ Bcr 2002, с. 139-143; Lash 1990, с. 25-29

Свидетельством того, что не только низшие классы, но и совсем нищие люди выбирают на рынке, может являться контроль, повсеместно проводимый социальными работниками, и еще более распространенное понимание того, как должны жить нищие, кем их считать и что они должны выбирать, особенно, если они пользуются пособиями. Дисциплинирование, принуждение к экономному стилю жизни, исключение из покупок продуктов, оцененных как изысканные или не обязательные для употребления, показывает, что не всегда чувство необходимости выбора и «экономика распушенности» должны трактоваться как проявление жизнелюбия и, что для некоторых соответствующим стилем жизни является аскетизм во всем, что можно себе представить, и даже, в планировании семьи.

Таким же существенным аспектом культуризации социальных разрывов, проявляющимся в осмыслении положения, занимаемого по отношению к низким классам, является то, что в соответствии с Маффесолимом¹, можно назвать «ряженостью». Культуризация означает, что используемая участниками классификация охватывает представления о себе и других в качестве «образов», которые становятся элементом реальности и тождественности индивидов. Для низших классов «ряженность» – это демонстративное убожество и вызывающий, самоубийственный стиль жизни, стилизация себя с помощью одежды, прически, татуировки и различных аксессуаров под опасных, агрессивных людей или как источник потенциального преступления. «Ряженный», это проявление осмысленной позиции, занимаемой индивидом, показывающее, что использованные признаки воспринимаются именно такими и, что признаки и место в социальной структуре могут быть предметом игры. «Ряженность» не является ни стратегией движения вперед, ни стратегией, направленной на оспаривание справедливости социальных различий. Можно сказать, что даже совсем наоборот, так как с помощью «ряженности» низший класс играет самого себя и показывает себя другим². «Ряженность» свидетельствует также об атмосфере, присущей определенному варианту жизнелюбия – «есть, как есть», и что благодаря ей не-

¹ Maffesoli 1979
² Hebdigt 1979

вооруженным глазом заметны различия. Статус не меняется, но принятая стратегия, основанная на демонстративной самобытности, игре в самого себя и представлении в этом образе ожиданий других, позволяет изменить значение занимаемого положения. Путем чрезмерно усердной игры в себя, положение, которое является результатом предопределенности, преобразуется в положение, выбранное самим индивидом.

В этом можно также распознать глубочайший смысл «симптоматичности» тезиса о культуризации социальной структуры. Законодатель моды Кристиан Лякруа в интервью журналу «Vogue» говорит, что наиболее вызывающе одеваются малоимущие¹. Тезис о культуризации может пониматься как систематическое выставление на показ или выделение различий. Культуризация заставляет видеть в *любых* практиках выбор. Именно поэтому автором тезиса о культуризации может быть только новый средний класс, который в «заколдованном мире», с помощью той, особенной магии, которой является магия слов, может свершить чудо преображения лохмотьев в креатив.

Аналогично тому, как в движении хиппи новые образцы антиконструкции исходили от категорий и групп обездоленных, так и теперь можно говорить об источниках, создающих образы, отличительные признаки которых не подвергаются сомнению и которые становятся объектом для избранных и видоизмененных подражаний. Поиск различия, защищенного от однообразия, унификации и массовости, привел к тому, что различные проявления аристократического стиля жизни, в различных его проявлениях, одновременно и привлекательный, и эталонный для некоторых групп нового среднего класса, стал по разным причинам восприниматься негативно. В данном случае, о заимствовании и создании образцов можно говорить только в ограниченном смысле, так как элементы низшей культуры и субкультуры проявляют себя в новых, теперь авторских, и часто, значительно более дорогих вариантах. Татуировка, серьги, мода на поношенную одежду – это «образ» заимствованный, отобранный и демонстрируемый на этот раз богатыми людьми. Печаль бедности является свидетельством тяжелого положения, а также очевидным подтверждением понимания

¹ Klein 2004, с. 81

этого. Одежда, в условиях культуризации, может приобретать характер маскарада для того, чтобы обозначить смехотворный разрыв между индивидуальностью, особенно «кричащей» индивидуальностью, и униформой, в которую одевает индивид традиционное общество¹. Так же как предопределена бедность, может быть предопределено традиционное общество и приписываемые ему успех и богатство. Источник бедственного положения одинаково негативно воспринимается и в культуре индивидуализма, и у богатых людей. Рынок оказывает давление и на бедных, и на богатых.

Беспощадный рынок «генерирует» как бедность, так и традиционный досток. Жертвами рынка являются как потребители с «изъянами», так и полноценные потребители. Ведь за достатком скрывается конформизм и карьеризм успешных людей, уничтожение окружающей среды, соблазнительная реклама, унификация, а также детский труд в азиатских странах. Те, у которых доступ к рыночному предложению ограничен по причине их бедности, то есть потребители с «изъяном», естественным образом меньше подвержены бедственному положению. Вынужденный и поэтому, на сей раз лишенный изысканности аскетизм, опять становится символом избранности. Те, которые меньше потребляют, более свободны, а давление, испытываемое со стороны рынка, является меньшим, ибо они приобрели нечто вроде природного иммунитета. Традиционный досток их не отягощает и хотя они того или не хотят, в обществе они являются потребительскими нонконформистами². Чужда им также безусловная профессиональная конкуренция. Ибо, даже если у них есть работа, то не в чем в ней соперничать с другими, а из рыночного предложения выбирают то, что они по-настоящему хотят и что им действительно необходимо, не поддаются рекламе и пренебрежительно относятся к попыткам социальных работников подчинить их порядку.

Можно выделить две стратегии поиска индивидами независимости от рынка. Первая – это ранее упомянутое добровольное навешивание на себя ярлыков и самоидентификация путем уподобления себя тем, которые занимают положение малому-

¹ Wilson 1990

² Нонконформизм – несогласие, неприятие норм, ценностей, целей, доминирующих в конкретной группе или в конкретном обществе (прим. перев.)

щих или свободных от постижения «искусства потребления». Это является стратегией декларирования о разрыве с рыночной предопределенностью. Люди, одетые так же, как те, у которых нет денег, выбирают потертую, поношенную одежду и одежду, стилизованную под китайскую униформу. Характерной чертой этой стратегии является любовь к фольклору, ремеслам, простоте и естественности и ко всему, что внешне не имеет ничего общего с массовым производством и массовым потреблением.

Другой стратегией устранения зависимости от рынка является простое ограничение потребления. Как пишет Бодрийяр¹: «Даже потребитель с мозгом рептилии теперь понимает, что после всеобщей мобилизации рабочего, солдата и обывателя начинается мобилизация потребления». Потребительское дерзостирво или забастовка – это самооборона потребителя. В обеих упомянутых стратегиях декларируется принадлежность к обществу, в котором отсутствует рыночное давление в виде рекламы, привязывания к торговой марке и стандартизированным вещам. Все это является попыткой возврата к натуральному простому обществу, в котором разница между потребностью и желанием была очевидна. «Печать» исключенных из искусства потребления и не признающих систему, освобожденных и, следовательно, потенциально опасных для системы, преобразована в новый бренд «no logo», нет бренда. «Конец света!» – такую оценку получила новая коллекция одежды известного дома моды. Тогда в витринах выставили манекены в одеждах стилизованных под нищенские. Это событие показывает, что атака на бренды в конечном итоге принимает характер специализированного потребления. Потребительский протест был «поглощен» рынком. Используемые рынком стратегии указывают на то, что рынок сейчас выстраивает свою индивидуальность путем уподобления «доброму родителю», безусловно принимающему даже наиболее взбунтовавшихся «детей» – потребителей.

Две эти стратегии являются свидетелем выполненного современной культурой индивидуальности переопределения источника тяжелого положения. Вопрос, в чем выражается это тяжелое положение и какую угрозу оно несет, и каковы последствия давления, оказываемого рынком, был предметом различ-

¹ Baudrillard 2001, с. 78

ных исследований продолжателей мысли «мастеров предположений». Теодор Адорно, Герберт Маркузе, Жан Бордрийяр, Ги Дебор провели исследования культуры потребления, которые нашли различных последователей. Особым образом рационализированный или популяризированный смысл существенно повлиял на «критическое сознание» потребителя. Поэтому известная часть критики, проводимой в интеллектуальном поле, подвергалась своеобразной рационализации в пользу более широкой, почти массовой публичности. Угроза порабощения рынком стала элементом текущего познания. Уместно также отметить, что рынок сам способствовал распространению этой «критической осознанности». Средства массовой информации не устают сейчас призывать к «революционной чуткости» по отношению к рынку. Следует отметить тот факт, что рынок «преподнесен» всем как источник давления, а вооруженные «критическим сознанием» «потребители в себе» превратились в «потребителей для себя», привел к изменению того особого вида ощущения субъективности, которой является роль потребителя. Очевидно, что парадоксальная роль потребителя подтолкнула к замене субъективности именно потому, что была вооружена «критическим сознанием».

Можно назвать две угрозы, связанные с возможным ограничением яркого самовыражения и самосоздания в рыночных условиях. Связаны они с концепциями «общества потребления» и «массового общества». Обе видимые угрозы давно являются элементами обычного сознания и предметом различных обсуждений: оздоровительного, религиозного, политического, журналистского и темой для творчества и интеллектуальной критики. «Общество потребления» и «массовое общество» несут с собой угрозу «отсутствия различия» и «отсутствия глубины»¹. Рынок «осознает» такую безжалостную критику и старается принять более благопристойный вид (участвуя в благотворительных акциях или играя роль спонсора артистов), что превосходно выражает иронию, скрывающаяся в выражении «храм потребления».

Опасение того, что жизнь будет лишена «глубины», очевидно образом подыгрывает критике общества, созданного

новым средним классом. Внешность и наигранность, за которой ничего не скрывается, это морально осуждаемая жизнь и жизнь «низкого качества». Два этих критерия можно выделить только аналитически, так как такая жизнь, в которой нет иных ценностей, а только вещи, предложенные рынком, по сути, соответствует бесполезной жизни – жизни «низкого качества». Это также боязнь того, что жизнью овладеют «образы», и она будет сплющена до «поверхности экрана». Ответом на такую угрозу, в соответствии с К. Лэшем, является возврат к реализму и «фотографический» реализм. Именно поэтому, в творчестве Энди Уорхола, объект как бы представляет сам себя: цветная банка – просто представляет цветную банку. Образы, внушаемые средствами массовой информации, пронизывают повседневную жизнь и, поэтому образ является не окном в мир, а окном в реальность образов. О возможности сплющивания жизни говорится также в упомянутом Кристофером Лэшем фильме Дэвида Кроненберга «Видеодром». В «Видеодроме» речь идет о том, что тело человека начинает выполнять функции видеомэгафона, видеокассеты проникают в него и становятся чем-то органическим¹.

Частью жизни в мире образов должно быть исчезновение старых форм приобщения к общественной жизни и создание новых, но затронутых каким-то видом регрессии. Проблемы «закрытия в собственных сердцах»², «демагогии»³, «отчуждения» и «однородности»⁴, «одиночества в толпе»⁵, «бегства от свободы»⁶, «возврат к инцесту»⁷, «новорождения»⁸ и «нарциссизма»⁹ – назовем лишь наиболее известные заключения на эту тему, были и остаются излюбленными темами для анализа и исследований современной культуры. Убеждение, что это распавшиеся или близкие к закату различные формы приобщения к общественной жизни, дало, в частности, толчок к различным попыткам восстановления связей. Как пишет

¹ Lash 1990, с. 12; Lash, Urry 1987, с. 292

² Tocqueville 1996

³ Baudrillard 1970

⁴ Marcuse 1991

⁵ Riesmann 1971

⁶ Fromm 1993

⁷ Fromm 2000b

⁸ Maffesoli

⁹ Lash 1979; Sennett 1977

Белл, примечательным для культуры индивидуализма является большое желание¹ «выйти в люди». Белл говорит: «Иди куда-нибудь: на курсы, на митинг, на пикник. Потому, что там можешь общаться с людьми». В то же время, резюмирует автор, в целом, не понятно, что там ищешь, и какая, между прочим, была цель такого желанного общения.

Потребление становится излюбленной областью решения задач самореализации и имеет решающее влияние на определение, как характера исследования личности, так и характера отношений с другими. «Призрачная сущность» строится вокруг потребления и коллекционирования одежды², а неконформизм ментальности людей, созданных для покупок, используется как защита среди магазинных полок³. Процессу приобретения, а особенно импульсивному процессу приобретения, придается смысл «замещающей» связи, ритуализированного, непрактичного и инфантильного действия, поскольку намерением, которое скрывается за этим ритуалом, является стремление к установлению связей и сосуществованию с другими⁴. Все мы являемся потенциальными жертвами рынка, а, принимая во внимание метафору Бодрийяра о «всеобщей мобилизации для потребления», уже имеются первые раненые и убитые рынком. Это «шопоголики». Можно говорить об убийстве их рынком, так как они потеряли «искусство потребления» и не в состоянии потратить даже то, что купили. Справочники и дамские журналы насыщены тестами, которые помогают потребителям оценить, до какой степени угрожает им зависимость от покупок. Можно сказать, что традиционные зависимости имеют прямое отношение к конкретному продукту (сигареты, алкоголь или кофе), предлагаемому рынком. А вот зависимость от покупок говорит о том, что ни потребление, ни обладание, а сам процесс покупки может быть замещающей функцией или ритуалом.

Кроме «отсутствия глубины», иная угроза связана с массовым производством и массовым потреблением. Их следствием может быть унификация⁵. Массовое производство и массовый ха-

¹ Bell и др. 1985, с. 135

² Debord 1998, с. 35; Deleuze 1997, с. 129

³ Marquand 1992

⁴ Wathnow 1996, с. 183-189

⁵ Baudrillard 1970

раक्टर потребления являются как бы тенью процесса индивидуализации. Рыночное предложение учитывает желание выделиться, которому угрожает массовость. Перепроизводство различий или перепроизводство товаров и услуг, единственной или главной целью которого является удовлетворение желания выделиться, приводит к тому, что постоянно появляющиеся новые различия теряют свое значение. В соответствии с Бодрийяром, перепроизводство различий, как и перепроизводство товаров, приводит к кризису, а в данном случае – к кризису смысла¹. Как пишет Бодрийяр, смысл тонет в море различий прежде, чем появляется.

«Соблазн» – это одна из наиболее известных концепций, описывающих стратегию порабощения рынком. В соответствии с Бодрийяром², такое совращение – не метафора. Речь, в частности, не идет о самом акте соблазнения, а о его фатальных последствиях. Эта тема в рассуждениях Бодрийяра о рационализированной версии культуры потребления является основной темой публичных дискуссий. Официальная и желтая пресса предупреждают: рынок соблазняет с помощью гипнотической музыки, воздействия на подсознательном уровне и фальшивых обещаний удовлетворения желаний. При этом методы соблазнения становятся все более изощренными. Соответствующее настроение создают «шутовские» войны, музыка и вариации на тему внутреннего мира, и даже, запахи способствуют тому, что покупка становится не только важным процессом, но и актом, более доступным для понимания и имеющим большее значение, чем само обладание. Зависимость от покупок и ставший ритуалом процесс приобретения вполне соответствуют логике символических, а в этом случае, не только символических услуг. Потребитель *ничего* не покупает, ибо это не товар. По Бодрийяру, соответствующим объектом потребления являются признаки или образы товаров. Это утверждение касается не просто некоторых товаров, как можно было бы подумать, а только тех, которые особенно подходят и исключительно символически при агрессивных формах потребления, направленных на демонстративный показ занимаемого положения. Это утверждение относится ко всем продуктам, предлагаемому рынком.

¹ Baudrillard 1970; Jameson 1991

² Baudrillard 1979

Обычные яблоки не выдерживают конкуренции с яблоками, предлагаемыми рынком. То, что соблазняет потребителя, это не просто яблоко, а его раскрытая «яблочность», его проявленная и усовершенствованная сущность¹.

Обман потребителя соблазнителем, в роли которого выступает рынок, это ситуация, когда потребитель понимает, что он купил то, что ему совершенно не нужно, а не то, что соблазнало его купить. Если же «потребитель с изъяном» сохранил что-то похожее на природный иммунитет, то кажется, что курсы избирательности, популяризацию знаний о методах поведения потребителя и альтернативных стилях жизни (simple living)² можно приравнять к попыткам получения природного иммунитета путем проведения массовых профилактических прививок. Женская и скандальная пресса, или та, о которой в основном известно, что нет лучшей прессы, а для некоторых она просто является символом массовой культуры и потребления, насыщена советами, которые должны соответствующим образом вооружить или привить потребителю иммунитет к рыночным соблазнам. Иммунитет к соблазнам, очевидно, становится главным смыслом потребительской морали.

Однако, здесь также особенно заметна парадоксальность попыток устранения этой проблемы. Альтернативный стиль жизни, товары без бренда, потертые, использованные одеяния или одежда, стилизованная под мундир унифицированного (на сей раз рынком) общества, пособия и тренинги по усилению избирательности и получению иммунитета к изощренным методам соблазнения, появляются как расширенное предложение рынка, который спешит удовлетворить очередное пожелание, а именно, устранить приписываемое ему давление. Это рынок, и он же виновник, предоставляет жертве возможность освобождения и помогает ей освободиться от себя. Иницированная марксизмом и психоанализом критика массовой культуры и общества потребления, проводимая в шестидесятых годах, на этот раз была рационализована во всех смыслах этого слова, стала частью обычных знаний потребителей и позволила построить новую стратегию поведения.

Критика рынка и общества потребления окончательно привела к расширению ассортимента продукции для «покупателя для себя». Джеймсон обращает внимание на то, что новые стратегии множатся, одновременно укрепляя и удваивая потребительский капитализм¹. Как пишет Зарешки, имеем дело с ситуацией, когда вообще трудно отличить реакционные позиции от протеста. Условия, при которых освобождение от такого рода проблем становится совершенно невозможным, Макэннелл² называет «мягким» фашизмом. «Мягкий» фашизм относится к таким условиям, при которых устраняются различия между индивидуальным желанием и предложением системы. В соответствии с таким выводом, любые появляющиеся протесты должны поглощаться рынком, а для того, чтобы протестовать следует закупить, выбрать из рыночного предложения подходящие продукты, предназначенные для отрицания рынка и общества потребления, а также продукты, предназначенные для демонстрации своей независимости от него.

Движение «за простую жизнь» является показательным примером новых стратегий освобождения от давления потребления. Опыт ведения простой жизни показывает, что освобождение себя от рынка не может быть однократным актом выбора продукта без логотипа, и что единственной значимой и осмысленной формой протеста является протест, охватывающий всю жизнь индивида. Жить в провинции, мало покупать, не менять обстановку и одежду так долго, насколько это возможно, приобретать все у мелких производителей, а еще лучше – самому стать мелким производителем. А уж если работа в корпорации, то это совершенно не амбициозная работа и не ответственная должность (downshifters³). Праздновать день рождения дома и вместе обедать, иметь очень много свободного времени – вот основные принципы простой жизни. Однако в простой жизни не говорится о том, чтобы жить, «как на отдыхе», чем, в частности, отличаются любители недорогих международных путешествий (backpackers⁴), которые работают до того момента, пока не заработают соответствующую сумму денег, необхо-

¹ Jameson 1991

² MacCannell 1992, с. 200-210

³ Downshifters (англ.) – дословно – «нижний регистр» (прим. перев.)

⁴ Backpackers (англ., жарг.) – любитель дешевых поездок (прим. перев.)

¹ Strathern 1992

² simple living (англ.) – простая жизнь (прим. перев.)

димую для того, чтобы отправиться в очередное путешествие. Если работодатель не хочет предоставлять им многомесячный отпуск, то они без сожаления бросают даже самую лучшую работу. Если им не хватает денег, они берутся за любую непостоянную работу в стране, по которой путешествуют. Смысл простой жизни в том, чтобы просто жить.

Стили жизни, представленные в обоих движениях (это слово более уместно по отношению к «простой жизни»), имеют свои более или менее ортодоксальные варианты и многие из них можно распознать только тогда, когда узнаешь об их существовании. Различные элементы этих обоих стилей жизни проявляются в рамках различных стратегий «потребления для себя». Свидетельством различий определенных стратегий освобождения из-под влияния общества потребления является не только тот факт, что отрыв от рынка принимает вид определенной конфигурации действий, то есть, стиля жизни. Таким же существенным является отношение к работе, принятое при этом стиле жизни. Речь не идет о том, что происходит отказ от профессионального успеха в пользу свободного от потребления жизнеутверждения. Важным является то, что два упомянутых движения иллюстрируют склонность и стремление к стиранию границы между отождествленным с приватностью стилем жизни и работой. Работа тоже становится объектом стилизации, а стиль работы становится частью стиля жизни.

В то же время, характерной чертой простой жизни становится явление более широкого характера. Альтернативные стили жизни давно перестали быть основанием для идентификации малоимущих. Позиция «жизнеутверждения» исключает подчинение традиционному обществу и реализуется, а также подтверждает свою реальность путем уменьшения ожиданий и снижением степени поглощения системой. Первые наблюдения такого рода были выполнены в начале семидесятых годов¹. Таким образом, такие ключевые для современной культуры индивидуализма ценности как: яркое самовыражение и самосоздание с помощью стиля жизни, могут подталкивать как к показательным попыткам бегства, так и к незаметному

исчезновению или «вытеканию» индивида из системы, как это имеет место в случае «антикарьеристов» (downshifters¹).

Как пишет Беллах, в культуре индивидуализма деньги, получаемые благодаря труду, используются для того, чтобы иметь право на неприкосновенность частной жизни и возможность выбрать подходящий для себя стиль жизни². Частная жизнь «потребителей с изъяном», в частности тех, которые пользуются пособиями, различным образом ограничивается и контролируется социальными работниками. Деньги позволяют купить право на неприкосновенность частной жизни. Поэтому, работа и стиль жизни, это две разные сферы. Однако Гидденс отмечает³, что можно увидеть растущую тенденцию к тому, чтобы между существующим стилем жизни и работой существовала какая-то взаимосвязь. Эксперименты, связанные с самореализацией, инновацией и неконформизмом, несомненно, легче и безопасней проводить в частной жизни, а не на работе⁴. Исследования, которые проводил Вуснау, показывают, что ценности ярко выраженного индивидуализма становятся источником новых ожиданий, связанных с работой, и, что на самом деле трудно говорить о существовании явной границы между приватной жизнью и работой⁵. Ключевая ценность для очевидного индивидуализма – яркое самовыражение, приводит к росту ожиданий того, чтобы работа становилась областью яркого самовыражения, а, следовательно, областью принятия решения и выбора, и каким-то образом соответствовала стилю жизни индивида. Однако слияние работы и стиля жизни не является новым явлением и легко можно выявить традиции и структурные условия попыток поиска такого слияния.

Для нового среднего класса, как класса, не имеющего собственную культуру, труд был главным источником индивидуальности⁶. Стилизация профессиональной активности, то есть не только собственно сама работа, но и «образ» ее изначально был частью, а для некоторых даже и сущностью ра-

¹ Downshifters (англ. жепе) om to downshift - отказаться от карьеры, спуститься вниз по карьерной лестнице, отказаться от карьерной суеты ради спокойной жизни (прим. перев.)

² Bellah и др., 1985, с. 72

³ Giddens 2005, с. 114

⁴ Beck 2002, с. 144; Marquand 1992

⁵ Watsnow 1996, с. 129-133

⁶ Sennett 1977, с. 328-333

боты. Профессии нового среднего класса, по меньшей мере, некоторые из них: координаторы, организаторы, проектанты, продюсеры программ, ведущие, были задуманы таким образом, чтобы сфера их компетенции и активности была покрыта тайной. За представлением себя как людей компетентных или людей, которые могут сделать все, можно увидеть стратегию представления себя как людей с универсальными способностями, которые овладели всеми человеческими профессиями. Примечателен тот факт, что основным материалом для так называемой работы в случае профессий нового среднего класса являются люди и информация. Как это аргументировано подтверждают Лэш и Урри, гибкость, готовность к переменам, как неизменная основа овладения профессией, изначально была отнесена к стилю жизни¹.

Структурные условия — необходимость обеспечения открытости и гибкости по отношению к новым профессиональным требованиям, как утверждает Бурдьё, свидетельствуют об открытости к экзотическим культурам, религиям, кухне и фольклору. Стиль жизни способствовал тому, что в данном случае изначально приветствовались иные, кроме полученной профессии, специальности и увлечения, тонкое понимание вещей, одаренность, хобби и все то, что несмотря на неудачи, делает индивида прежде всего человеком. Сфера частной жизни, индивидуальности и человеческого характера, как специфический капитал работника, была активизирована тогда, когда потребовалась какая-либо форма восстановления индивидуальности, «обретения лица» и восстановления после неудачи, испытанной на работе².

Из ранее упомянутых исследований, которые провел Вуснау, следует, что ценится такая работа, при которой можно принимать решения и во время которой царит доброжелательная атмосфера. Вуснау отмечает, что издавна такие пожелания, связанные с ценностями ярко выраженного индивидуализма, учитываются в методах организации. Создание доброжелательной, дружеской атмосферы, демонстрация отрыва от бюрократических идей, презрение к чопорности, формализму, отсутствию оригинально-

сти, а также разрешение носить одежду для выходных в пятницу, все это сейчас, кроме вознаграждения, является сутью предложений о работе. Большие корпорации более или менее успешно идут навстречу таким пожеланиям и стараются использовать их в собственных целях. Поощрение коллективной деятельности, чувства единства, соперничества, которому придается развлекательный характер, создание атмосферы творческого действия вместо выполнения обязанностей, а также постоянный совместный отдых на природе, это ответ рынка труда на запросы, связанные с ярко выраженным индивидуализмом¹.

Можно заметить тенденцию к «представлению» труда таким образом, что граница между зарабатыванием денег и жизнью перестает быть очевидной. Этот процесс соответствовал бы тому, который Лэш и Урри с уверенностью отождествляют с сопутствующей состоянию дезорганизации капитализма дифференциацией. В таких условиях труд становился бы еще одним объектом потребления. Представляется, что существует два повода или два варианта преодоления границы между работой и свободным временем. Первый, менее удачный вариант, о котором уже говорилось по другому поводу, это трудоголизм. Такая зависимость особым образом объединяет работу и личную жизнь, попросту устраняя второе. В другом варианте, в игру включается моральная обусловленность — «миссионерский» труд или труд, под него стилизованный. Некоторые профессии (врач, сиделка, учитель, художник, терапевт) в культуре индивидуализма считаются особо привилегированными, и поэтому они как бы совершенно естественным образом свободны от обособленности. Помимо частичного их «расколдовывания», основными, для достижения типовой когда-то для рабочего класса формы борьбы за увеличение заработка, должны являться многочисленные варианты примеров того, как можно соединить работу и личную жизнь².

Такая привилегированность этих профессий находит свое отражение в том, с каким пристрастием в многочисленных телевизионных сериалах на роль героя назначают врачей, охранников, спасателей, полицейских. За вызовом, которым без со-

¹ Lash, Urry 1987, с. 293

² Bourdieu 2005, с. 511-515

¹ Watsnaw 1996, с. 129-133

² Domanski 1994, с. 107-108

мнения является слияние работы и стиля жизни, скрывается другая проблема, а именно, как придать зарабатыванию денег вид какой-нибудь незаинтересованности? Однако это не позволяют сделать «внутренние демоны», о которых говорилось ранее. «Внутренние демоны», это ощущение принуждения, стремление к совершенству, чрезмерная самоотверженность и даже зависимость, даже если она в определенном смысле «безразличная», ибо все равно скрывает за собой какую-то антипатию. Поэтому внутренние демоны допускают переименование внешнего давления на внутреннее или, в наиболее удачный для этих демонов вид – в страстное увлечение и ощущение призывания. Склонность к поиску какой-либо формы слияния стиля жизни и работы связана с ярко выраженным индивидуализмом, так как, за возможностью такой интеграции скрывается другая возможность – возможность утверждения себя не на общих ролях или разновидностях своего «Я», а в качестве «аутентичной единицы» и как личности, которая остается собой при любых обстоятельствах без учета последствий.

1.3. Культурный нарциссизм, рационализация ответственности и рационализация желания

Уверенность в том, что стиль жизни является формой яркого проявления культурных различий, была присуща этническим и религиозным меньшинствам. В пятидесятые годы стиль жизни становится ярким проявлением несхожести поколений¹. Увеличение продолжительности обучения привело к тому, что признаком взросления или зрелости уже не могло быть отделение от родителей, создание семьи или начало профессиональной работы. Собственно, в этих условиях и родилась молодежная мода, а рынок расширил свое предложение вещей (музыка, одежда, развлечения), специально предназначенных для молодежи. Отличие, которое было представлено новым стилем жизни, было проявлением личной независимости молодых людей, несмотря на существующую экономическую зависимость от родителей. В свою очередь, контркультура шестидесятых

придала альтернативным стилям жизни значение политической независимости¹. Благодаря контркультуре стиль жизни приобрел значение политического выбора, а с помощью стиля жизни можно было заявлять о бунте против традиционного счастья. Контркультура шестидесятых не сделала предметом обсуждения жизненные шансы. Скорее, был подвергнут сомнению смысл этих самых жизненных шансов и смысл успеха. Это движение, относящееся к жизненной политике, показало, что использование жизненных шансов обусловлено конформизмом². Поэтому, речь шла не о том, что жизненные шансы распределены неравномерно, а о том, что для того чтобы ими воспользоваться, необходимо «отдаться» и посвятить себя традиционному обществу.

Стиль жизни служит самосозданию и самоутверждению, и становится праздником значений. Контркультура укрепила мораль индивидуализма, особенно ее ярко выраженную версию. По замыслу этой морали, любой выбор не является нейтральным: спокойное существование или жизнь в состоянии постоянного стресса и создание карьеры, стиль одежды, выбранный в соответствии с личными предпочтениями и унифицированные украшения. Однако такой стиль жизни является «голосом за или против» традиционного общества и нет такого человека, который бы не оставил устойчивый след в системе. Любой индивидуальный выбор приобретает также и большое политическое значение.

То, что приватное – становится политическим, то, что локальное – становится непосредственно связанным с глобальным. В условиях глобального общества значение приватного не только не уменьшается, но и растет. Контркультура в поиске взаимосвязи между приватностью и политичностью, предприняла попытку повторного «заколдовывания» общества. В понятиях контркультуры успех необходим и имеет смысл, однако, только для системы, так как успех гарантируется конформистским стилем жизни и тем самым становится унифицированным. Так поясняет логику этого протеста Гарри Абрахам³. Соглашаясь с этим, можно сказать, что успех, достигнутый с помощью

¹Hall 1994; Zaretsky 1997; Willis 1978

²Willis 1978; Abraham 1983

³Garry Abraham 1983

чувствовать себя свободными, в конечном итоге обращаются против идеи, которая их создала¹. Роберт Н. Беллах² считает, что в современной культуре индивидуализма все чаще можем наблюдать парадокс, состоящий в том, что чем больше индивиды хотят свободы и здоровья, и чем больше предпринимает усилий для достижения этих добродетелей, тем большей становится опасность того, что они окончательно попадут в конформизм и зависимость от экспертов.

Освобождающая мораль нового среднего класса дополнила существующие в различных сферах жизни противоречия. Тесная связь дисциплины и чувства независимости была реализована в морали нового среднего класса и проявилась в методах организации труда. Требуемая креативность и гибкость сопутствовали здесь требованиям подчинения и постоянному созданию карьеры³. Среди положительных результатов применения метода Сильвы в бизнесе, в первую очередь, называется стимулирование и поощрение инициативы и усиление дисциплины труда⁴. Приходящие из романтических традиций ценности, такие, как яркое самовыражение, аутентичность, креативность, самобытность, открытие себя и открытие в себе «внутреннего ребенка», могут применяться в определенных областях. Всплеск свободы и сумасшествия, это время, проводимое среди магазинных полок, в лесу или в лечебно-оздоровительной группе. Главной стратегией создания личности и личного освобождения является борьба с государственными институтами. В наше время сферой объявленных войн и проводимых революций является пространство медицинского кабинета. Медицина предлагает организованную свободу: речь идет о том, чтобы избавиться от институтов таким образом, чтобы забрать предлагаемые ими награды и почести.

Отказ от самоконтроля происходил под контролем, что было необходимо для повышения эффективности труда и улучшения качества отдыха. Свободный стиль жизни нового среднего класса предполагает освобождение с помощью рационализации и контролируемого расширения сферы того,

¹ Abraham 1983; Alexander 1989, с. 83; Campbell 1987, с. 209

² R. Bellah 1985, с. 149

³ Boltanski 1998, с. 124-125; Sennet 1979, с. 328-330

⁴ Sylva, Stone 1998, с. 78-79

что не контролируется. Однако возврат к естеству, прислушивание к голосу интуиции или осуществление желаний скорее станут продолжением процесса рационализации жизни, чем ее обратной стороной. «101 способ не кушать все подряд», «Совершенная память», «Искусство дыхания», «Искусство осознанного дыхания», «Искусство самооздоровления», «52 способа победить застенчивость», «Как творчески использовать эмоции» — все это пособия, представляющие методы, которые позволяют господствовать над тем, что остается вне контроля индивида. Стройный силуэт, здоровье, продленная молодость или полученный навык не являются целями как таковыми. Все эти ценности, дорога к которым идет через самодисциплину, в конце концов, должны создавать ощущение самоудовольствования — смысла существования индивида.

Вебер писал¹, что «тайное мучение» современного человека возникает не из-за того, что он что-то сделал, а из-за того, что может что-то сделать неосознанно. В современной культуре индивидуализма самобытность становится *профессией* индивида². Поэтому плохой характер, который невозможно изменить, личная пассивность, полученные в процессе социализации или в результате принудительно навязанных примеров и статусов (положений), одним словом, кошмар существовать запрограммированным, являющиеся характеристиками современной формы проклятия. Милостью становится бытие избранным с помощью самого себя. «Тайное мучение» современного человека, как отмечал Вебер, не является все время одинаковым. Оно как бы удваивается потому, что ощущаемое проклятие лишено истины Божьей и по этой причине становится менее человеческим.

3.1. Выбор себя. От методики спасения к методике самореализации

Протестантское представление о возможности прощения ставило индивида перед необходимостью практиковать добродетели ежедневно. Религиозный мотив, которым является по-

¹ Weber 1984, с. 259-260

² Gordon 1991

иск прощения, стал протестантским основанием рационализации образа жизни с помощью дисциплины¹.

Протестантство исключало возможность ведения спора с Богом. Вебер пишет²: проклятые могут сожалеть о своей судьбе точно так, как и животные о том, что они не созданы такими, как люди. Эстетическое воспитание, поэтому, не является обоснованной возможностью для улучшения шансов на помилование. Однако в данном случае имеем дело с более сильной действующей мотивацией – этическое воспитание становится признаком состояния помилования³. Обстоятельства, при которых индивид узнает правду о собственном предназначении – прощении или проклятии, должны были быть просто приняты к сведению. Поэтому внутриобщественный аскетизм связывался с необходимостью принятия понятия «Того света», а избранный индивид и постоянно контролируемый образ жизни определял связь между ним и высшей реальностью. «Мостом» между рационализированной с помощью дисциплины ежедневной жизнью и Божим порядком было призвание. Сущностью внутриобщественного аскетизма была профессия, смысл которой реализовывался в ощущении призвания к определенной профессиональной деятельности. Внутриобщественный аскетизм, устрояя различия, связанные с условиями, в которых индивиду приходилось познавать правду о собственном предназначении, а также познавать себя как инструмент в божественном плане в исполняемой профессии, предполагал активность и адаптацию к системе.

Идея предестинации⁴, как известно, не допускала изменения приговора относительно прощения или проклятия индивида. Этот приговор мог быть только предметом познания правды о себе в повседневной жизни. Среди пуритан, как пишет Кэмпбелл⁵, существовала эндемичная⁶ меланхолия. В соответствии с идеей предестинации, возникающие по понятной причине волны сомнения, приступы разочарования и стремле-

¹ Alexander 1989, с. 75; Turner 1996, с. 21

² Weber 1994, с. 84

³ Weber 2002, с. 405

⁴ Предестинация – (т. е. предопределение) учение, по которому Божество, как абсолютно всемогущее, заранее предопределило одних к добру и спасению, других – к злу и гибели (прим. перев.)

⁵ Campbell 1987, с. 124

⁶ Эндемичный – то есть местный, свойственный данной местности (прим. перев.)

ние сожалеть о своей судьбе превращали жизнь пуритан в настоящий «кладезь обид». Рационализация жизни заключалась в устранении тех привычек и ощущений религиозной жизни, которые никоим образом не могли контролироваться индивидом. Поэтому рационализация, в смысле устранения магии и мистицизма, несомненно, должна приводить к расширению ощущения свободы.

Рационализация повседневной жизни с помощью дисциплины служила господству над обществом, а также наделяла индивида властью над собой. Жизнь по-простому или недисциплинированная жизнь и мистические ощущения, делали случайным то, что выпадало на долю индивида. В то же время, инспирированная строгими, аскетическими правилами дисциплина позволяла упорядочивать общество: религиозно мотивированная регулярность действия включалась в Божий план. В этом смысле, самодисциплина является контролем «внутреннего мира» индивида и, в то же время, контролем окружающей реальности. Любые действия, обычаи или сфера жизни не казались пуританам малосущественными или чрезмерно простыми для того, чтобы не охватывать их своим контролем. Принимались во внимание не только конкретные поступки, которые могли быть сразу и без проблем оценены как грешные. Пуританская дисциплина, которая конкретно и тщательно заботилась о том, например, какие развлечения допустимы и какая диета показана, имела достаточно абстрактный характер, что было связано с профилактическим значением различных нравственных, диетических и гигиенических предписаний. Применяемая тогда дисциплина, из-за свойственных ей профилактических функций, была формой формирования и выбора будущего. Следовательно, абстрактность дисциплины заключалась в том, что предпринятые действия изначально сохранили в себе «проект» будущего. Последствием дисциплинированного способа жизни является формирование строгого, аскетического порядка или постоянного и действующего до настоящего времени как естественный, только на сей раз выбранного самим индивидом, принципа осуществления выбора. Поэтому, как пишет Вебер¹, постоянные упражнения

¹ Weber 2002, с. 895

(самодисциплина) и работа были чем-то вроде профилактики: фундамент, выбранный и сформированный индивидом, должен был в будущем «автоматически» направлять к правильным решениям и защищать от «нечистой жизни». Дисциплина, как профилактика от «нечистой жизни», также регулировала то, что могло способствовать греху и увеличивать вероятность его появления или вызывать соблазн пополнить количество совершенных грехов. Применяемая индивидом самодисциплина являлась формой планирования его собственного будущего.

Основой понимания состояния помилования было, как пишет Вебер, собственное нравственное поведение и судьба индивида на этом свете, а не его конкретные поступки¹. А значит, привыкание к роскоши, привозимым из-за морей приправам, чтение поэзии и литературы, бездеятельность, задумчивость и, в целом, слабый характер осуждались как легкомысленная жизнь и с целью профилактики возможного соблазна. Но при этом соблазном не считалось: посещение друзей, чтение исторических произведений, работа в огороде, разговоры об интересах и достижениях в мире. «Жертвы любви» были подвержены различным заболеваниям и, в то же время, они обвинялись в том, что способствовали вырождению всего общества². То есть, самодисциплина индивида оставалась тесно связанной с общим порядком. Своевременное устранение возможности сотворения греха в будущем являлось формой контроля окружающей действительности. Поэтому самопожертвованию сопутствовало ощущение формирования действительности и поддержания контроля над тем, что происходит в жизни.

Поскольку самоконтроль индивида позволял выбирать его собственную натуру и сущность, то окончательные результаты дисциплинированного образа жизни проявлялись не только в жизни конкретного индивида. Диета, секс и развлечения, которым придаются индивиды, влияют на социальную гармонию. Поэтому пуританам было присуще убеждение о появлении новой реальности. Ощущаемые ими различные внешние ограничения могли быть устранены в новом обществе абстрактного и критического самоконтроля³. Уверенность в возможности осу-

¹ Weber 2002, с. 895

² Smith-Rosenberg 1991

³ Walzer 1991; Weber 1994, с. 9

ществления одновременного контроля над внутренним миром и миром окружающим должна иметь решающее значение для формирования современной личности. Действия и ощущения индивида утрачивают характер «автоматической» реакции на то, что происходит в окружающем мире. Превращение себя в один из объектов возможных действий позволяет наблюдать, исследовать и изменять собственное эмоциональное состояние. Из этой возможности непосредственно вытекает другая возможность: если ощущения индивида могут быть изменены им самим, независимо от того, что происходит в мире, то это означает, что такие ощущения являются не только реакцией, и, поэтому, смысл того, что происходит в мире, может быть предметом манипуляций, учитывающих ощущения¹.

Желаемым требованием была, напомним, адаптация и восприятие «Того света». Адаптация и восприятие мира связывались с активной позицией индивида. Активная позиция по отношению к возможности выбора стиля жизни выражалась в упорядочении или рационализации повседневной жизни. Как пишет Макс Вебер²: «Цель религиозной методики прощения, в процессе развития рационализации, превращается... в хроническую и, прежде всего, *осознанно* наложенную епитимью»³. Осознанная епитимья собственно относится к возможности превращения себя в объект и инструмент. Пропаганда самодисциплины и самоподчинения создавали, как утверждали критики данного образа жизни, связанные с романтической традицией, атмосферу тоски и обыденности. Однако дисциплина и необходимость адаптации, это не единственная сторона таким образом трактуемого пуританского образа жизни. Ему также сопутствовала пропаганда высокого искусства и ощущения независимости в самом факте добровольно наложенной епитимьи, непосредственное ощущение свободы, а также возможность освобождения от предопределенности, которой является индивид сам для себя⁴.

Два свидетельства милости Божьей, особенно желанные для пуритан, были предметом отчаянных усилий – успех, и,

¹ Abraham 1983; Alexander 1989, с. 79-87; Campbell 1987, с. 72-75; Walzer 1991

² Weber 1984, с. 217

³ Епитимья (др.-греч. – наказание) – исполнение исповедовавшимся христианином, по назначению духовника, тех или иных дел благочестия; имеет значение нравственно-исправительной меры.

⁴ Alexander 1989, с. 86

прежде всего, внутренняя уверенность в собственном прощении¹. Избранные ни чем не отличаются от проклятых, кроме упорной веры. Поэтому неустанный труд и упорная забота о сохранении веры в то, что он находится в состоянии помилования, и устранение сомнений в проявлениях искушений сатаны, это смысл двух, наиболее существенных пастырских советов, направляющих жизнь пуритан. Тому, другому свидетельству милости Божьей, со временем можно было приписать большее значение, так как одновременно с узакониванием «внутренней реальности» как независимого мира, внешним признакам успеха, общественным привилегиям и дружеским замечаниям придавалось, скорее, второстепенное значение. Романтическая мораль, осуждаемые правила хорошего тона и обязанности могли только лишь усилить эту уверенность². Вера или уверенность в избранности могла проявляться и наблюдаться, прежде всего, в сердце. Подтверждением веры и уверенности в прощении, в отношении которых велся активный поиск, были не очевидные акты самопожертвования или религиозные порывы, а весь образ жизни индивида. Моменты сомнения и волнения, вызванные утратой уверенности в существовании прощенным или, даже, потеря веры, трактовались как неизбежные страдания на духовном пути, а также как знак избранности.

Поскольку индивид может стать объектом собственного действия, он не должен идентифицировать себя с тем, что ощущает. Осознанное формирование строгого, аскетического порядка и профилактическая подготовка на случай соблазна, о которых пишет Вебер, говорят о том, что индивид, отвергая возможность простой жизни, просто не уверен в себе, но заранее, с помощью самодисциплины, вырабатывает автоматизм выбранных им самим реакций. Таким образом, возматизация значения внутреннего мира и придание ему независимости по отношению к окружающему миру вовсе не означает, что индивиды в полной мере идентифицируют себя с внутренним миром. С помощью самодисциплины индивид скорее ставит себя *между* этими двумя мирами, превращая их в предмет своего контроля. Так как самодисциплина по-

¹ Weber 1994, с. 92-94

² Campbell 1987, с. 136

зволяет ему адаптироваться к внешним условиям и формировать внешний мир, то она является также основой для формирования отношения к себе и господства над внутренним миром¹. Кэмпбелл отмечает, что уже в XVII веке английский словарь обогащается понятиями с приставкой *self*. Обратную сторону репрессивной пуританской дисциплины характеризовало ощущение свободы и независимости от других, а также от самого себя³.

В то же время, подавление и контроль эмоций являются формой их структурирования⁴. У пуритан желанный самоконтроль в этой области не был бы возможным без веры в то, что чувствует и о чем думает индивид, а также то, как он выражает свои ощущения, может быть предметом выбора. Мысли, чувства и, в целом, «внутренняя реальность» приобретают статус объекта. Ведь только как объекты они могут быть предметом желанного контроля или воздействия. Изменение, которое произошло в отношениях между внутренним и внешним миром, а также зависимости, связанные с возможностью их формирования, отнюдь не имеют характер «абстрактного» процесса. Особый интерес к тому, что происходит в головах и сердцах людей, появлялся в результате поиска свидетельства проявления милости Божьей. В данном случае, основное значение придается субъективному свидетельству. Поэтому пуритане так навязчиво и отчаянно искали, прежде всего, во внутреннем мире подтверждение милости Божьей⁵. Партикулярный характер милости Божьей был предметом споров в протестантских костелах⁶, хотя обязанность сохранения уверенности в собственном прощении не вызвала больших теологических дискуссий. Однако она сразу стала предметом обучения и практики⁷. Знаменательным для такой заботы о сохранении упорной веры был энтузиазм, с которым велась запись собственных ощущений. Мемуары, дневники, воспоминания и автобиографии – это наиболее «практичное» и материальное проявление

¹ Alexander 1989, с. 81, 87; Campbell 1987, с. 73

² *self* (англ.) – 1) собственная личность, сам, 2) личные, эгоистические интересы (прим. перев.)

³ Walzer 1991; Berger 1995, с. 183-187

⁴ Elias 1980, с. 428-444

⁵ Sennet 1979, с. 333-334; Campbell 1987, с. 129-130

⁶ Weber 1994

⁷ Abraham 1983

изменений, о которых говорилось ранее¹. Такая литература иллюстрирует процесс перемен и используемые техники «объективизации» изменений, происходящих во внутреннем мире.

Переживания индивида становятся объектом воспоминаний, регистрации, определения взаимодействий и связей, расследования, изучения, диагностики, прочтения, интерпретации и реинтерпретации. Ощущение беспрецедентного одиночества привело к тому, что пуритане приобрели склонность к меланхолическому настроению. Однако сами они рассматривали припадки озлобленности и ярости не как болезни, а как духовные ощущения. Визуализация внутреннего содержания и переживаемые в воображении возможные заболевания, страдания и адские муки составляли тогда суть рекомендуемых медитаций. Визуализация создавала пространство нового ощущения как благодати, так и страдания². Визуализация не уменьшает количество или качество ощущаемой боли и ярости, что очевидно следует из более поздних медицинских диагнозов таких состояний. Воображение не является местом, в котором можно попросту проводить эксперименты без возможных последствий. Личность может ощущать то, что ожидает, либо по-настоящему боится этих возможных достижений, испытывая сильные переживания, независимо от того, произошло ли это по-настоящему. Так как воображение становится пространством, в котором осуществляются различные достижения, то и личность становится *смыслом* их восприятия.

Однако документальное повествование стало не единственной формой яркого выражения переживаний личности. Процесс, который прошел, то есть появление документальных повествований о личности, показал, что в рассказе о себе личность не только проявляет себя, но и в нем актуализируется. Естественная для пуритан меланхолия не только создавала атмосферу, в которой господствовала самодисциплина, но и представляла модели поведения и подказывала методы работы над собой. Как и религиозный мотив «оздоровления души», так и романтическое увлечение способствовали возможности утверждения личности при отсутствии опоры для нее в ши-

роком социальном контексте¹. Внутренний мир является и существует самозамкнутым. Жизнь можно интерпретировать в категориях жизни. Внутренний мир является и автономным, и цельным. По отношению к этой автономной внутренней реальности, значение внешнего мира постоянно уменьшается. Как утверждает Кэмпбелл, рационализации и «расколдовыванию» мира сопутствует «заколдованное» *психе*².

Поэтому рационализированный мир может потерять свое значение, если: во-первых, не предпринять в отношении него действия в соответствии с каким-то проектом, во-вторых, если не пытаться его интерпретировать. Внутренний мир беспричинно не реагирует на то, что происходит во внешнем мире. Ощущения и то, что за ними следует, в том числе интерпретации и, в конечном итоге, смысл того, что «действительно» произошло, может быть изменено. Вспомним, что возможность символической манипуляции достижениями была открыта с помощью обязательного самоконтроля. Контроль эмоций был не только принудительным и «выхолощенным», но имел позитивный смысл власти над собой, упорядочения эмоций и выбора средств яркого самовыражения³. С этой точки зрения, способ восприятия и способности личности свидетельствовали о сути ощущения и, в конечном итоге, о сути и смысле происходящих изменений.

Рационализации и расколдовыванию мира, как убеждает Кэмпбелл, сопутствует «заколдовывание» *психе*. Несомненно, тезис о «заколдовывании» *психе* придает вес изменениям, произошедшим в сфере определения новой онтологии мира. Внутреннему миру и, в конечном итоге, индивиду, придется статус инструментальной реальности. Субъективность реализуется в создании самого себя, которое равнозначно созданию мира⁴. Создание внутреннего мира и самопознание, с помощью исследования собственного самочувствия, записи переживаний и откровений, было формой документирования «дипломатических отношений» индивида со Святым Духом. Отслеживание и регистрация этих отношений в то же время было формой их об-

¹ Campbell 1987, с. 130

² Campbell 1987, с. 77-96

¹ Giddens 2006, с. 39-40; Luhmann 2003, с. 16-18; Rose 1992; Sennet 1979, с. 335-336

² Campbell 1987, с. 72-73

³ Campbell 1987, с. 74

⁴ Luhmann 2003, с. 17, 23

активизации и рационализации. В то же время, самовоспитание, направленное на формирование осознанной эпитимии, было источником внутреннего мира, его структурированием и рационализацией. Избранный стиль жизни, а в данном случае – дисциплина, должен был позволять контролировать «внутреннее» и выбирать принципы. Рационализация жизни потянула за собой «заколдовывание» и рационализацию *психе*. Кэмпбелл напоминает, что итогом рационализации *психе* является *психология*.

Очевидно, что сущность процесса формирования современной личности описывает «заколдовывание» *психе* и его рационализация. Это утверждение является настолько справедливым, что вероятно «этика меньшинства» (то есть, этика изгнанных из капиталистического космоса детей и женщин), или конкурентоспособный, по сравнению с пуританством, романтизм, в большей мере создающий условия для «заколдовывания» *психе*, в дальнейшем будет играть конкурентную, однако второстепенную роль, по сравнению с утилитарно ориентированным индивидуализмом¹. Однако трудно однозначно заявлять о появлении каких-то новых условий, которые окончательно изменили бы предсказанную Вебером постоянную тенденцию к утилитарно мотивированной адаптации. Другими словами, романтическая этика и в дальнейшем продолжает оставаться «этикой меньшинств», хотя необязательно так же называемых.

Подтверждением тезиса о не полностью «заколдованной» личности, если можно так охарактеризовать, являются типичные для современной культуры дилеммы, контексты и техники создания индивидами мира собственного «Я». Не религия, не обычные перипетии или исключения образуют основной контекст самосоздания, а ежедневные дела, такие как: диета, профилактика здоровья, омолаживание, приобретение дополнительных профессий и навыков, а также утилитарно ориентированные методы улучшения качества жизни создают основной комплекс призваний и возможностей для личности². Тогда как страсть – романтическая любовь, понимаемая как антипод самозанности, безумство и беспамятовость не ведут к самореализации³. В лечебно-оздоровительных рассуждениях также

¹ Bellah 1985; Taylor 2001

² Rose 1997

³ Luhmann 2003, с. 187, 205

можно заметить напряженность между наполовину «заколдованной» и наполовину рационализированной личностью. Пропаганда рациональных методик лечения и самолечения, психологических знаний, самовоспитания и реализации свободы сопутствует уверенности в мистической или космической природе личности, которая, с учетом собственно такого характера, всегда сохраняет в себе какую-то тайну, перед которой должны капитулировать рациональные и практические методы ее коррекции. Эту дилемму хорошо иллюстрирует описание метода, гарантирующих эффективность работы терапевта:

Когда астронавты корабля «Аполло» сделали все, что было в их силах, для того чтобы отремонтировать неисправную камеру марки «Хассельблэд», стоимостью в миллион долларов, эксперт по контролю полетов в Хьюстоне рассерженно крикнул кораблю, кружащему в космическом пространстве: «Стукните по этому проклятому устройству!». Что немедленно и сделали. И, внезапно, камера начала правильно функционировать. Мы, терапевты, также пробуем помочь клиенту «стукнуть по камере», что означает – сотрясать немного целостность, так, чтобы отдельные элементы соединились между собой по-другому, чем было до сих пор¹.

Сущностью внутриобщественного аскетизма была идея призвания. Когда-то представление о «бытии призванным» служило мостом между повседневностью выполняемых задач и душой. Обосновано сформулированная причастность к делу «Того света» оказалась в высшей степени экономически эффективной в момент, когда исчезала его религиозная мотивация². Несомненно, что религиозная мотивация, связывающая труд с вселенским порядком, не исчезла внезапно. Мораль XIX века, отчасти инспирированная романтической моралью, проявляла все большую чувствительность к проблемам, связанным с работой³. В то время, когда еще был «жив» религиозный контекст, в правоучениях появилось предостережение перед

¹ Kottler 2003, с. 72

² Alexander 1989, с. 89-90

³ Washnow 1996, с. 62-72

опасным исчезновением труда из религиозной мотивации. Это произошло в период доминирования протестантской морали. Триумф протестантских добродетелей способствовал тому, что простое порицание бездельности реально перестало быть актуальным. Моралисты XIX века напоминают, что труд имеет значение средства, а не цели.

Значение труда, как следует из рационализованного смысла поучений, реализуется в двух контекстах. Во-первых, смысл профессиональной активности не имеет самодостаточный характер, однако находится в связи со всей дисциплинированной жизнью. Не посредством отдельных актов и не через определенную активность, а через весь образ жизни открывается, прежде всего, свидетельство помилования. Во-вторых, о значении труда говорит его профилактическая функция. Труд приводит к тому, что человеческое тело и человеческий дух не только не слабеют, но и укрепляются. Труд позволяет избежать болезней тела и болезней души – ненужного самоубийства и депрессии, которые возникают от бездельности, снисходительного отношения к себе и избытка времени¹.

Труд в XX веке перестает однозначно связываться с заработком, пишет Вуснау. Это не вызывает сомнений с учетом того факта, что проблемой становится не то, как убедить людей в том, чтобы они посвящали себя работе, а в том, каким образом организовать зарабатывание денег и что противопоставить созданию карьеры. Труд, деньги и материальные выгоды – это средства и инструменты, необходимые для достижения других целей, напоминают современные моралисты. Благодаря им можно быть ответственным человеком и совершенствоваться. Соответствующая забота о детях, помощь соседям, у которых появились проблемы, ученикам, которые ищут правду, артистам, ищущим красоту или, также, укрепление характера – это другие, рекомендуемые тогда занятия². Инспирированный романтической традицией морализм, в свою очередь, стал причиной к несоизмеримости мира интересов и духовного мира³. Романтическая, если можно так сказать, точка зрения особенно ощущалась в формализации и инсценировании нравствен-

¹ Turner 1987, с. 20, 58

² Wuthnow 1996, с. 65-68

³ Campbell 1987, с. 197, 218; Wuthnow 1996, с. 68-72

ности, за которыми должны были скрываться духовная пустота и новый вид рабства – рабство собственных амбиций.

Вопрос: «Может ли исчезнуть чисто утилитарный мотив в рационализованном обществе?», формулируется по-разному и сосредотачивает в себе почти всю проблематику, связанную с современной культурой индивидуализма. Способствуют ли успех или поражение, счастье или несчастье, выходу ощущений индивида за пределы мира материальных забот или, прежде всего, они являются практическими проблемами, которые можно и нужно решать практическими методами? Какие явления и какие жизненные стратегии можно связать с выходом за пределы утилитарного мотива действия? Существуют ли предвестники появления структурных условий для такого изменения, или о таком изменении можно говорить только лишь в отношении индивидуального и частного экзистенциального выбора? Может ли в условиях рационализации общества возродиться мистицизм? Если да, то какие формы он примет тогда? И еще одно сомнение. Процесс рационализации способствовал развитию независимости индивида, однако новый вид свободы не позволял превращать себя и других и в инструмент, и в объект воздействия. Следовательно, рационализация означает новую форму доминирования и рабства. И потому вопрос: не начнут ли работать в пользу противоположных идей те условия и идеи, которые способствовали развитию независимости и чувству ответственности, и если да, то в какой степени? В социологической литературе эти вопросы появляются уже лет сорок и, несмотря на различные попытки диагностирования реальности, в дальнейшем кажется целесообразным только подтверждение того, что, возможно, проблема резкого изменения стала тематизированной, хотя трудно сказать, произошло ли такое изменение вообще, но если да, то в какую сторону?

Это не единственный вопрос, который задают себе исследователи в отношении анализируемых ими проблем. Это также вопросы, которые задают себе люди в отношении собственной жизни. Подходящим описанием этого, не совсем понятного состояния вещей, является наблюдение, которое сделал Р. Вуснау. Он пишет, что в нынешнем сознании людей, тем, что вызывает наибольшее количество смертей в жизни, являются деньги.

Деньги действительно являются серьезной проблемой и о них чаще всего думают. Однако для того же самого нынешнего сознания людей другой, не менее серьезной проблемой, и тем, что порождает осмысленный взгляд, является собственно тот факт, что необходимо так сильно «убиваться» о деньгах¹.

Исхождение религиозных источников самодисциплины привело к тому, что виртуозность в господстве над собой заменило искусство избегать жизненных проблем с помощью абсурдных микрорациональностей и навязчивой профилактики². Питание, с соблюдением «правила пяти перемен», посещение мест паломничества традиционных религий, получение силы для «загрузки аккумуляторов», установка аквариума для улучшения притока энергии и привлечения наличных денег, установка пирамиды для ускорения процесса оздоровления, использование сатвической вегетарианской диеты для поддержки духовного развития, обеспечение симпатий противоположного пола и привлечение партнера, курсы одновременной и приспособленной к сегодняшним требованиям йоги, обогащенной современными искусствами борьбы и самообороны – это те многочисленные методики, которые должны не только и не столько «объединять приятное с полезным», сколько, прежде всего, придавать смысл повседневной деятельности. Суррогатное ощущение смысла должно гарантировать то, что мистическая, буддистская, нетрадиционная, альтернативная, эзотерическая или антинаучная традиции позволяют немного отшлифовать, нейтрализовать или дефемизировать явно выраженный утилитарный мотив, который скрывается в рационализированном искусстве жизни.

Приходящаяся на шестидесятые годы волна интереса к религии упоминалась как в научных, так и в популярных обсуждениях как ренессанс религиозной жизни или как эффект и проявление перепроизводства религиозных предметов, что безусловно должно приводить к ухудшению их качества. Очевидно, неоднородная оценка такого интереса к религиозной жизни возникает, прежде всего, из-за процесса разделения контекстов процесса и действия, а в данном случае – из-за процесса взаимного проник-

¹ Wuthnow 1996, с. 150

² Baumann 1993, с. 176

новения религиозной жизни, психотерапии и медицины. Процесс разделения привел к тому, что религиозные ощущения связываются с прагматическим мотивом. В частности, в пантеистических и поп-пантеистических религиозных течениях физическое здоровье, финансовый успех, удовлетворение сексуальной жизнью трактуются как признак «ощущения единения с Вселенной». Отсутствие такого ощущения должно стать основной современной формой отчужденности и может приводить к поражению во всех сферах жизни. Во многих лечебно-оздоровительных программах создание внутри себя ощущения «существования частью Вселенной» является первой и основной целью воздействия. В пособиях по самолечению освобождение от отравляющих жизнь связей, депрессии, зависимости и финансовых проблем начинается с коррекции фальшивого восприятия себя, как несвязанным с Вселенной. Ощущению единства с Вселенной приписывается сила освобождения от лекарств, а проявление интереса и чтение книг, посвященных «духовным делам», является элементом практического плана не только «оздоровления души», но и оздоровления всей своей жизни.

И первое, и второе из упомянутых проявлений должны свидетельствовать об изменении в рационализированном образе жизни. В первом случае, имеем дело с уверенностью в рождении религиозного мотива и мистицизма. Современный внутриобщественный мистицизм должен способствовать гармонизации личных достижений с саморазвитием и духовным развитием¹. Во втором случае, существенным является то, что религия подвергалась коммерциализации и была привлечена к практическому разрешению «практических» проблем жизни, а массовость наблюдаемых обращений в веру говорит о поверхностном характере, а также, если воспользоваться определением Вебера, о низкой степени религиозной «музыкальности». Сложности с однозначной оценкой значения религиозных перемен возникают из-за того, что мистическое восприятие и романтическая идея самодостаточности пропитаны «духом инструментализма», а также священной верой в эффективность научных способов их достижения².

¹ Champion, Hourmant 1999
Taylor 2001, с. 913-935

Эти две противопоставляемые интерпретации перемена можно было бы трактовать как два рекомендуемых идеальных типа идеальных современных форм религиозности. Однако не менее часто говорится об открытом характере религиозной zaangażированности, при которой стирается различие между реализацией собственного эго (*ego-realization*) и самореализацией (*self-realization*). Даже в тех случаях, когда явно доминирует прагматический мотив, не исключаются иные мотивы, такие как самосовершенствование или духовное развитие¹. Те участники религиозных групп, которые требуют большой заангажированности и радикального изменения ранее существовавшего образа жизни, нередко придерживаются очень прагматических мотивов. Хорошие и недорогие курсы йоги, после которых наступает досаждающая боль спины, духовное развитие или борьба с зависимостью, это примеры упомянутых мотивов. Все эти мотивы трактуются участниками групп как одинаково хорошие. В этом случае повседневным делам и проблемам придается значение, вдохновляющее на трансцендентное их восприятие².

В соответствии с Ричардом Сеннетом³, упадок веры в предопределенность не обесценил проблемы, вокруг которых формировалась современная личность, и не обесценил, можно добавить, способ поиска милости Божьей. Пуританская самодисциплина и изучение собственного самочувствия подключились к самореализации. Беспокойство о собственном прощении было заменено беспокойством о возможной самореализации. Так же, как и когда-то желанным было представление о собственном прощении, так и в настоящее время желанным стало ощущение счастья, предвещающее самореализацию.

Участники религиозных и лечебно-оздоровительных групп, причисляющие себя к «группам расширения сознания», среди проблем, с которыми они намереваются работать, называют следующие: отсутствие спутника жизни, отсутствие или недостаточное количество денег, непонимание в браке, зависимость от кока-колы, которая не позволяет перейти к вегетарианской диете, зависимость от мяса птицы, которая тормозит духовное разви-

¹ Champion, Hourmant 1999; Robertson 1978, с. 132-133; Rose 1992; Wuthnow 1987, с. 202; 1996, с. 313-326
² Abraham 1983; Luckmann 1990; Trilling 1973, с. 89-90; Stone 1976; Wuthnow 1996, с. 302-303
³ Sennet 1979, с. 333-336

тие, зависимость от работы, которая не позволяет «наслаждаться жизнью». Атмосфера, царящая во время общения, исключает возможность иерархизации¹ мотивов. Для решительного большинства участников творческих групп исходной точкой являются вопросы повседневной жизни. Мистическое ощущение единства вещей должно сразу переноситься на решение абсолютно конкретных проблем (обещания, которые чаще всего здесь удается услышать, это улучшение здоровья, улучшение финансовой ситуации, а также поиск подходящего спутника жизни).

Если отойти от оценки перспективы будущих возможных изменений такого рода религиозно-терапевтической заангажированности и попытаться определить их актуальность, то можно сказать, что различные попытки придания смысла рациональным техникам господства над своей жизнью не приводят напрямую к религиозной мотивации. В мистицизме часто ищется вдохновение для создания новых техник адаптации к условиям или новых техник, которые делают возможным или облегчают «прорыв» сквозь жизнь. Независимо от того, идет ли речь об адаптации или о том «прорыве», о котором пишет Лэш², смысл действий такого рода окончательно определяется не посредством введения религиозного мотива, а скорее путем противодействия этому мотиву и с помощью мотива «гармонической жизни», в котором не только спокойно сосуществуют, но и согласованно действуют религиозный и утилитарные мотивы. Отсутствие интереса к «делам духовным» трактуется в пособиях по самолечению как один из симптомов «отравляющего жизнь успеха», или ненастоящего успеха, ценой которого является характерная для нового среднего класса форма обнищания личности вследствие монотонного и однообразного восприятия³. Гармоничная жизнь, при которой устанавливаются рациональные пропорции между различными сферами восприятия, представляет собой идеал для не полностью закованной личности.

Хотя из идеи гармоничной жизни можно выбросить антиутилитарную традицию (сравним: Вуснау 1996)⁴, все же она

¹ Иерархизация – процесс создания иерархии, выделения приоритетов (прим. перев.)
² Leach 1978, с. 63-66
³ Pearsall 2003, с. 64
⁴ Wuthnow 1996, с. 62-68, 339-373

хорошо komponуется с культурой предприимчивости. Культура предприимчивости, так же как и гармоничная жизнь, отягощена неразрешимыми противоречиями. Предприимчивого индивида должна характеризовать независимость, самодостаточность, креативность и инициатива, а также дисциплинированность и, в то же время понимание своих нравственных обязанностей по отношению к другим и готовность к солидарности с обществом¹. Из культуры предприимчивости не удастся получить ни каких указаний о том, как согласовать самодостаточного индивида с солидаризованным обществом. Если культура предприимчивости предполагает, что индивид будет гармонично переходить от принципа самодостаточности к принципу солидарности, то в ней отсутствует ответ на вопрос: в каких ситуациях тот или другой принцип наиболее актуален? В частности, нет ответа на вопрос о том: существует ли такая модель социализации и обучения, которая позволяла бы индивиду двигаться абсолютно независимо от других и, в то же время, в случае необходимости, быть солидарным с другими?

Разнородность применяемых в настоящее время лечебно-оздоровительных методик и программ расширения сознания, как убеждает Николас Роже, не должна принуждать к поиску скрывающихся за ними каких-то принципиально отличных эталонов жизни. Так как за всем этим, в конце концов, стоит один и тот же проект независимой, ответственной и самодостаточной человеческой личности². Солидарность и общество – это всего лишь фон для политических призывов и слоганов. Желанная, адаптированная к условиям личность – это предприимчивая личность³. Пропагандируемая с восьмидесятых годов культура предприимчивости должна быть противоположностью нединамической, тормозящей развитие и инициативу культуре бюрократизма и культуре зависимости, выпущенной на волю государством благоденствия. Жизнь человека в рамках культуры предприимчивости становится особым предприятием, а индивид сам для себя становится «капиталом», который, обладая оборотным капиталом, необходимо сохранить, воспроизвести и преумножить⁴.

¹ Heelas 1991

² Bellah 1985, с. 55–56, 98–100, 146; Rose 1997

³ Keat, Abercrombie 1991; Heelas, Morris 1992

⁴ Du Gay 1997; Gordon 1991

Идея гармоничной жизни проявляется в двух противоположных риториках, имеющих общий мотив предприимчивости индивида. Понимание собственной жизни как предприятия должно принуждать индивида к соблюдению определенных ограничений. Освободить, притормозить, уметь сказать себе «стоп», осмотреться вокруг, найти время для себя, перестать контролировать себя и других, довериться в конце жизни – это хорошо известные по публичным и медицинским дискуссиям призывы об ограничении стремления к успеху и потреблению. Этому призыву подыгрывает известный из передач медицинского содержания образ успешного человека, оплывшего в достатке, но несчастливого, безысходно одинокого, как правило, безуспешно борющегося с многочисленными дурными привычками и ощущаемой духовной пустотой. Противопоставляемому этому призыву риторика также представляет часто встречающийся в телевизионных передачах призыв к ускорению, самостоятельному ведению дел, проверке на случайный талант, бизнесу, выполнению планов и завершению незавершенных дел, недопущению того, чтобы все решилось само собой, а если вдруг это и произойдет, то приведет к фатальным последствиям для тех, кто живет слишком свободно.

Противоположные ценности культуры предприимчивости должны, как пишет Поль Хелас, каким-то образом примирить индивида. Если учесть два вышеприведенных рассуждения, то можно сказать, что идея гармоничной жизни предполагает не только лишь соблюдение соответствующих пропорций между утилитарным мотивом и деятельностью без интереса. В этом случае говорится также о том, что «капитал», которым индивид является сам для себя, может и должен быть правильно использован. Современная психотерапевтическая практика не видит противоречий между утилитарно и не утилитарно мотивированным действием¹. Более того, даже допускает, что успех преобразуется в ощущения счастья, и наоборот. Отсутствие интереса к духовным делам является симптомом отравляющей жизнь успеха и самоубийственной работы, тогда как забота о духовных делах является элементом процесса оздоровления и эмансипации. Даже если успех и деньги просто не имеют

¹ Rose 1992

значения, то являются чем-то тем, как следует из пособий, что позволяет людям хорошо думать о себе. Как часто можно слышать в лечебно-оздоровительных передачах, поражение, а точнее говоря, ощущение поражения, является следствием пассивности, определенного отношения к себе, способа самоисследования и низкой самооценки¹.

Инспирированные пантеизмом и мистицизмом методики лечения не только подтверждают оптимистическую уверенность в совпадении и взаимодействии утилитарного и неутилитарного мотивов, но и используют расширенную личность для создания техник решения проблем. Космическая личность, холистическая личность и внутренний ребенок – это определения, относящиеся к словарю яркого индивидуализма, берущего свое начало в романтических традициях². В психотерапии они являются ценными характеристиками творческой личности, которую можно привлекать для практического решения проблем на работе или в семье. Привлечение творческой личности к достижению определенных целей (например, для принятия решений по работе или ведения бизнеса), показывает, что, очевидно, на почве психотерапии вселенский порядок и ежедневные дела могут составлять единое целое. В этом месте следует отметить, что два этих мотива, утилитарный и неутилитарный, которые теперь могут гармонично взаимодействовать, недавно были взаимосключающими. Вспомним, что в соответствие с критиками «капиталистического духа», бизнес в большей степени, чем преступление, противоречит поэзии жизни и, в конце концов, самой жизни³. Лечебно-оздоровительный подход расворяет в идее гармоничной жизни культурные и жизненные проблемы, а также противодействие им.

В сценарии семинара, посвященного творческому принятию решений⁴, вводными являются такие вопросы: «Что мне мешает более творчески принимать решения?», «Почему я постоянно придерживаюсь старых, исчерпавших себя примеров?», «Беспокоит ли меня что-то – мои способности, работа, представления о себе?», «Когда же я определю, как мне прео-

¹ Abraham 1983; Bellah 1985 с. 66, 98-100; Stone 1976

² Wuthnow 1996, с. 370

³ Campbell 1989, с. 218

⁴ Hanter 2000, с. 50

долеть эти барьеры?». Далее автор приводит примерные методики выхода за «тюремные ворота», так он описывает старые эталоны мышления. Первый набор методик – это «вызов подсознанию»: использование метафор, визуализация будущего (возможные результаты принятых действий, и среди них – собственное продвижение по службе), и, в частности, «детское» отношение к проблеме, которую необходимо решить. Второй набор методик – это «Будь безумным!». При принятии решений, пишет терапевт, превратись в цветок, трехколесный велосипед и космический корабль.

Предлагаемая в настоящее время «тренировка успеха»¹ основана, кроме прочего, на визуализации «бурных аплодисментов» после произнесенной речи. «Тренировка успеха» заканчивается получением «наслаждения от успеха» в состоянии релаксации. Эти и другие методики творческой адаптации показывают, что проблемой не является количество времени, которое люди отводят на работу. В рекомендуемой визуализации есть еще одно дополнительное утверждение: «Тебе так легко этого добиться!». Ключом к успеху является восприятие себя как успешного человека, «программирование себя на победу», стирание «внутреннего ощущения» жертвы или горячее убеждение в том, что успех мне просто сопутствует. Всевозможные проблемы и поражения появляются по причине сопротивления себе, а количество вложенного труда имеет, как минимум, второстепенное значение. Руководства по «созданию карьеры» создают однозначный и выразительный образ гармоничной жизни – методики являются «безумными», однако окончательной целью применения этих «контркультурных» методик является совершенно обычный успех.

Несмотря на свои отличия, сценарии расширения сознания у различных лечебно-оздоровительных школ очень похожи, а в их программах явно проявляется принятая еще в XVII веке терминология. Многие лечебно-оздоровительные школы охотно подпитываются мифологиями и верованиями тех, кто живет в природных условиях и кого не коснулось «цивилизационное безумство». Вспомним, что неврастения отсутствовала в сельской местности и у примитивных народов, но затрагивала «лю-

¹ Hanter 2000, с. 50

дей из общества». Поэтому заимствованные и использованные мифологии не только расширяют сознание, но и становятся движущей силой для применяемых в настоящее время курсов терапии. В психотерапии, ориентированной на процесс (ПОП), «тюремные ворота» или «ограниченное сознание» сокращенно трактуется как *Toyota dream*¹. *Toyota dream* означает расчётливый подход (также и по отношению ко времени), ориентирование на достижение целей, причинно-следственное восприятие действительности и уважение к общественным и культурным нормам. Ощущение *Toyota dream* трактуется австралийскими абorigенами как важное предупреждение и сигнал об «ограничении сознания». Если в снах абorigенов появляются технические устройства («Тойота» была первым автомобилем с которым столкнулись абorigены), они бросают работу, город и отказываются от благ цивилизации. *Toyota dream* является сигналом ограничения сознания и потери способности к выбору впечатлений, что влечет за собой потерю качеств, необходимых для восприятия. Пациенты ПОП во время многочасовых мастер-классов, с помощью различных методик расширения сознания, отказываются от достижений цивилизации, чтобы потом вернуться к ним в преобразованном виде.

Ограничение сознания требует лечения не только по причине ограничения креативности и гибкости в действиях. Ограничение сознания – это также диагностический специфический обнищания и несостоятельности индивида. Личность является смыслом исследования, поэтому ограничение сознания – это требующий исправления дефект органа, с помощью которого индивид изучает окружающий мир и себя. Таким образом, проблемой становится окончательное выздоровление и восстановление возможности чувствовать. Полное, чувственное восприятие является для индивида ключевым вопросом. Как глухое, нечувствительное и нетренированное ухо не в состоянии услышать музыку, так и неподолженная личность может ощущать только пустоту. Как пишет Ричард Сеннет², для современной личности, которая строится вокруг исследования собственных чувств, целью становится поиск не просто

¹ *Toyota dream* (англ.) – дословно – сила мечты (прим. перев.)
² Sennet 1979, с. 325

ощущения, а *Ощущения* с большой буквы. Однако для такого ощущения наиболее существенным становится не перечень удовольствий, а способ восприятия или подготовленность личности к превращению чего-то в объект наслаждения¹. Поэтому среди участников лечебно-оздоровительных групп часто можно встретить тех, кто реально и на себе испытали успех, однако не в состоянии его воспринять².

Причиной ухудшения подготовленности к тому, чтобы воспринимать, собственно и является ограниченное сознание. Ограниченное сознание, отбирающее и ранжирующее воспринятое, это сознание характерное для «согласительской» и традиционной реальности. Систематическая маргинализация³ определенных ощущений в процессе психотерапевтических дискуссий идентифицирована как источник проблем индивида. Разнообразные тренинги преследуют цель постижения ощущений и возврата к расширенному сознанию, которым обладают индивиды, «выброшенные» из традиционной реальности или из капиталистического космоса. Расширенное сознание позволяет, например, пробудить в себе «внутреннего ребенка» и испытать полную реальность. В ощущении полной реальности, которая является единым целым, свободна от противоречий, не считается со временем, не замечает прибыли, а также не имеет причин и следствий, отыскиваются возможности для решения повседневных проблем. Пробуждение в себе «внутреннего ребенка» просто должно помогать людям в осуществляемых ими действиях.

Вселенская личность или холистическая личность, проявляющаяся в различных воплощениях творческой личности – «внутреннего ребенка» или духовной интеллигенции, восстанавливая ощущение единства с миром, часто служат созданию ощущения самодостаточности и принципа «положись на себя». В соответствии с современной медициной, зависимость от других и ощущение собственного несовершенства является причиной человеческих проблем и поражений⁴. Однако и культ расширенного сознания должен иметь много общего с «тай-

¹ Campbell 1987, с. 58–96

² Abraham 1983; Cyrulnik 2002; Fromm 2000a, с. 107–109; Stone 1976

³ Маргинализация – социологическое явление, понятие обозначающее промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами. (прим. перев.)

⁴ Bellah 1989, с. 98–100

ным мучением», о котором писал Вебер¹, или, скорее всего, с его новым проявлением. Тайное мучение – это безбожное ощущение греха, которое появляется не потому, что человек что-то сделал, а потому, что может сделать что-то неосознанно. Расширенное сознание, которое появляется на волне достижений или на почве здравого смысла, должно служить устранению бессознательности и исключения из образа мыслей того, что индивид не выбирал.

Терапия, в том числе терапия, инспирированная мифологией и мистическими верованиями, часто служит улучшению адаптации индивидов к различным условиям и повышению активности². В таком контексте, упадок протестантской морали можно рассматривать, прежде всего, как очаровательную самодисциплину, признание безличностных прав, телеологическое³ понимание действия и триумф здравого смысла, или как пуританскую эпистемологию⁴ без пуританской онтологии⁵.⁶ Экспрессивный и эмансипирующий мотив терапии или, как пишет Роберт Н. Беллах⁷, по сути, ее демократическая направленность, не только слабо восприняты, но и имеют, кроме прочего, очень ограниченное практическое применение. Ибо, лечебно-оздоровительная культура создает условия, в которых угрозы для аутентичной демократии по-прежнему существуют. Интимные связи, стиль жизни, терапия, отдых, отпуск, хобби, потребление, неформальные отношения – это подходящее пространство для реализации свободы, добытой путем расширения сознания.

Протестантская мораль, как считает Абрахам⁸, ассимилировалась с помощью экспертной системы. Тем, что подвержено изменениям и всегда находится в сфере контроля индивида, является *психе*. Освобождением индивида от репрессивного воздействия культуры управляет та же логика: чем больше свободы, тем меньше самоконтроля. Психология и терапия, по

¹ Weber 1989, с. 259-260

² Abraham 1983; Bellah 1976; Boltanski 1987, с. 264-269; Rose 1992

³ Телеология – религиозно-философское учение о наличии в мире объективных внечеловеческих целей и целесообразности.

⁴ Эпистемология – философско-методологическая дисциплина, в которой исследуется знание как таковое, его строение, структура (прим. пер.)

⁵ Онтология – раздел философии, в котором рассматриваются всеобщие основы, принципы бытия, его структура и закономерности (прим. пер.)

⁶ Alexander 1089, с. 78

⁷ Bellah 1985, с. 83, 124-127

⁸ Abraham 1983

суети, может иметь пастырские функции¹. На дисциплинирующий аспект свободы указывает особо выделяемый психологией и психотерапией характер *эго* в границах структуры *психе*. Задачей *эго* является гармонизация, установление дистанции, достижение согласия, а также посредничество между слепым импульсом, вытекающим из *Id*², и варварским *суперэго*, которое на волнах упреков совести и депрессии действует как инквизитор, оскорбляет и унижает бедное *эго*.

Начатая в шестидесятых годах пропаганда *Id* – это пропаганда контролируемого самосвобождения и, в этом смысле, является продолжением, а не отказом от процесса самодисциплинирования. В частности, целью терапии было просто расширение сферы того, что требует рационального³ контроля и применения неосознанного как источника вдохновения, а не устранение *Id* или того, что иррационально. Новый гедонизм является «вычисленным», ибо нашпигован микрорациональностями⁴ и, по сути, пронизан деспотическим отношением индивида к себе.

В таком контексте мнение о том, что современная культура попросту пропагандирует гедонизм, ничем не ограниченную «погоню за новыми впечатлениями» и постоянно дополняет перечень возможных личных удовольствий, то есть, хаотически выбираемых, и тем способствует постмодернистскому распаду общества, становится сомнительным. Жажду восприятия удетается утолить только путем самостоятельной подготовки *психе* и тела к приему ощущений. Поиск и восприятие удовольствий все больше рационализируются. Источник удовольствия находится не в объекте, а в способности воспринимать удовольствие или в готовности индивида к восприятию впечатлений⁵. Интеллигентность эмоциональная, интеллигентность духовная, интеллигентность сексуальная, гибкость, здоровое, стройное и ладное тело – это достижимая с помощью тренировок подготовка к тому, чтобы испытать все, чего хочется. Тем не менее, отведенные пространства для воплощения

¹ Burkitt 1992 С.101-103; Foucault 1995, с.2-38; Rose 1997

² *Id* – бессознательное в психике (прим. пер.)

³ Craib 1989, с. 98-101

⁴ Baumann 1995с; Rose 1997; Turner 1984

⁵ Campbell 1989, с. 77-96; Bauman 1995с

свободы (стиль жизни, лечебно-оздоровительные творческие мастерские, отдых, интимные связи) остаются под существенным влиянием духа утилитаризма. Эффективность, рационализация, дисциплина, чинопочитание – все эти пуританские ценности обогащаются и усиливаются новыми ценностями, такими как: воображение, интеллигентность, инициатива и гибкость¹. Очевидное противоречие между ними должно находиться в рамках той свободной морали, которая уничтожает «фальшивую оппозицию», использованную творчески и с выгодой. Психология, лечебно-оздоровительные методики и пособия становятся новым инструментом дисциплинирования, использующим рекламу образа предприимчивого, ответственного, организованного и счастливого индивида².

Логика примирения или, даже, творческого использования таких противоречий характерна для содержания большинства пособий. Пособие «5 минут для здоровья» предлагает многочисленные способы рационального и творческого использования пяти минут безделья, а также то, как обычного безделья превратить в осознанное и профессиональное безделье, во время которого можно достичь контакта с собой, создать максимальное количество энергии и поднять настроение. Контролируемые и рационализированные пять минут отсутствия контроля должны позволить «выжать» из этого времени отдых, здоровье, самосознание, творческий подъем для работы, воображение, производительность, эффективность, покой, упругие мышцы, улучшенное зрение и хорошее настроение. Привлечение и побуждение интереса индивидов к тому, чтобы жить так, чтобы «выжать» из пяти минут несколько десятков лет здоровья и счастья, способствует уменьшению влияния внешнего насилия.

В частности, новая психология предлагает методики, позволяющие делать людей счастливыми. В наше время успех и подготовка, необходимые для зарабатывания денег, или профессиональная карьера не являются свидетельством избранности. Новым свидетельством помилования становится выражение счастья на лице. Поэтому, одновременно с возникновением нового среднего класса, появилась потребность в новом навыке – способности

¹ Boltanski 1989, с. 124-125
² Rose 1992, 1997

воспринимать достигнутый успех¹. Счастье, ощущаемое при достижении успеха – это главный и критичный, свидетельствующий о своеобразии этого класса, признак индивидуальности².

3.2. Методики создания себя

Систематическое внедрение новых методик самодисциплины, с целью увеличения независимости, характерно для процесса профессионализации индивидов как субъектов³. Получение соответствующей подготовки в этой области, то есть в сфере планирования собственной жизни, способности к интроспекции⁴ и жизни в свете правды о себе, становится обязанностью⁵. Способ, с помощью которого индивиды изучают себя, определен идеями, ценностями и техниками, которые помогают управлять процессом, корректировать и использовать результаты такого исследования. Процесс самоисследования направлен на изучение возможностей и способностей в сфере возможных изменений с учетом: закономерности развития, старения, преодоления жизненных кризисов, автотрансформации, смерти и похорон.

Идеи и предлагаемые ими решения, а именно, конкретные техники, это не постулаты и не проекты и программы, смысл и содержание которых по-разному трактуется различными школами. Прежде всего, эти идеи функционируют как готовые основы для проблематизации – как вероятные точки соприкосновения, позволяющие делать самого себя объектом собственных действий для улучшения контроля и достижения большей свободы. Описанные Мишелем Фуко «Техники создания себя» – это доступные средства, благодаря которым индивид сам или с помощью других воздействует на самого себя – на свое тело, мысли и душу так, чтобы достичь счастья, мудрости, совершенства или бессмертия.

Сутильные желания, внушение и вдохновение в условиях профессионализации индивидов в субъективности, являются намного более эффективными, чем приказы и распоряжения.

¹ Abraham 1983; Stone 1976
² Boltanski 1987, с. 129; Bourdieu 2005, с. 451-453
³ Gordon 1991

⁴ Интроспекция (от лат. *introspecto*, *смотрю внутрь*) – метод, позволяющий иметь представление о своей сущности (нпрм. перес.)
⁵ Rose 1997